

№2
Февраль 2010

ТАССОВСКИЙ КЛУБ

Airzena

fly with us with **E**lectronic **TICKETS** now!

www.airzena.com

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Иракий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани, Алена
Деняга, Нино Цитладзе

№2 (53)
Февраль 2010

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ГОД УЧИТЕЛЯ	ОТКРЫТЫЙ УРОК ПАМЯТИ	4
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	РЯДОВОЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ	8
ФЕСТИВАЛЬ	«Я СУЩЕСТВУЮ, ЗНАЧИТ СЧАСТЛИВ»	10
	ТЕПЛОЕ МОРЕ, ПРИВЕТ ОТ ХОЛОДНОГО!	14
ЛЕНТА ПАМЯТИ	«УМ И ДЕЛА ТВОИ БЕССМЕРТНЫ...»	16
ЮБИЛЕЙ	«В СКАЗОЧНОЙ СТРАНЕ, ПЕРЕЖИТОЕ И	20
	ПЕРЕДУМАННОЕ НА КАВКАЗЕ»	
ТРАДИЦИЯ	ПОДАРОК СУДЬБЫ	22
О, СПОРТ!	ВЫСОТА ЧЕМПИОНА	24
БАЛЕТОМАН	ДОН КИХОТ ИЗ БОЛНИСИ	28
ПЕРЕВОДИМ	РАСЕМОН	32
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ПОПЫТКА МАЛЕНЬКОГО «БЕНЕФИСА»	37
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	КНИГА МАСТЕРОВ	42
ТВОРЧЕСТВО	ЮРИЙ ВАЧНАДЗЕ	44
ВЕРНИСАЖ	ГОСТИНИЦА ДЛЯ ДУШ	46
ПРИЗНАНИЕ	Я ВЫСТУПАЮ ОТ ИМЕНИ ГРУЗИИ	48
ПАЛИТРА	ПРОДИКТОВАНО ЛЮБОВЬЮ	50
АРХИВ	«ГОДОРИ» ВЫШЕЛ ИЗ АНТИЧНОЙ ТРАГЕДИИ	52
НАМ ПИШУТ		53

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гита Лордкипанидзе, Роин Мегрели, Нани Мегрели, Джансуг Чарквиани, Гулбаг Торалдзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетухуцеди, Ирма Сохадзе, Гоги Кавгарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбаноидзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркш (Израиль), Валентина Поликанова (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

На обложке - фрагмент композиции «Молодость»
на мосту Бараташвили в Тбилиси.
Фото А.Сватикова

Людмила Суворова

ОТКРЫТЫЙ УРОК ПАМЯТИ

В рождественской епистоле Католикоса-Патриарха всея Грузии, Святейшего и Блаженнейшего Илии II прозвучало обращение, глубоко тронувшее сердце каждого, кто искренне озабочен нравственным и духовным состоянием общества. Святейший говорил об актуальных для Грузии проблемах, акцентировал внимание на духовных и интеллектуальных сторонах как всего общества, так и личности каждого человека. Не скрывая тревоги, патриарх отмечал, что в результате ошибок, допущенных во время реформы обра-

зования, сегодня подростки проявляют мало желания приобрести знания, научную деятельность считают непрестижной, так как видят, что интеллигенция не ценится должным образом в современном обществе. «Это положение должно быть исправлено», - подчеркнул Святейший. Он призвал помнить имена тех, кто обогатил наши национальные ценности, защитил как свою честь, так и честь страны. Илья II говорил и о назревшей необходимости ввести в школьный курс предмет воспитательного назначения, который охватывал бы «культуру взаимоотношений в семье и с родственниками, отношения с друзьями и ровесниками, старшим и младшим поколениями, а также правила поведения в общественных местах и за столом, пути преодоления сложных ситуаций и, конечно, воспитывал любовь к труду и знаниям», чтобы будущее поколение было подготовлено к жизни. «Моя давняя мечта – курс аналитического мышления, чтобы подрастающее поколение с малого возраста приучалось мыслить и делать правильные шаги», - сказал он. Обращение духовного пастыря прозвучало как никогда вовремя. Мы живем в сложное, противоречивое время, когда нарождающиеся новые общественные отношения пересматривают и нередко полностью отвергают традиционные нравственные ценности, которыми испокон веков гордился грузинский народ. Почитание предков, преклонение перед женщиной, матерью, любовь к родителям и старикам, гостеприимство и дружелюбие по отношению к людям любой веры и национальности, бережное отношение к вере, истории, языку и культуре своего народа, глубокое уважение к науке, просвещению, наставникам и учителям, готовность к самопожертвованию во имя отчизны и ближнего своего – все это входило в незыблемый моральный кодекс каждого. Кодекс, который впитывался с младенчества и бережно взращивался

лучшими учителями, духовными наставниками нации. Нравственные нормы поведения отразились в языке народа – не случайно привычное дружелюбное обращение к собеседнику «шени чириме» и «генацвале» дословно означают «твои беды – мне» и «я тебя за меняю», то есть готовность принять беду ближнего на себя, заслонить собою в трудный час.

Что же происходит с нами сегодня? Почему так неузнаваемо изменилось общество? Где и когда растеряли мы многое из того духовного богатства, которое определяло и должно определять нашу жизнь? И если дорога не ведет к храму, для чего эта дорога? Кто сегодня наши учителя, и по каким ориентирам строят они судьбу нового поколения? Если духовный отец и наставник нации называл первоочередной задачей государства и общества образование и нравственное воспитание молодого поколения, значит, действительно что-то упущено в системе нашего современного образования, в отношении к науке, жизни школы, к

профессии учителя. И эти упущения приобрели угрожающий характер.

В своих заботах о судьбе подрастающего поколения патриарх призывает прежде всего поднять в общественном сознании престиж профессии учителя, воспитателя, вспомнить имена тех, кто из года в год, изо дня в день строил духовный и интеллектуальный мир каждого из нас.

Издrevле считалось, что лицо школы определяется лицом учителя. С незапамятных времен у всех народов учителем нарекали самых выдающихся в государстве людей, мудрых и достойных, тех, кто вызывал своими знаниями, делами и нравственными качествами всеобщее уважение. Должность учителя, воспитателя у многих народов приравнивалась к самым влиятельным и ответственным государственным должностям и обязывала ко многому. Так, еще древнегреческий философ Платон, подчеркивая ответственность труда педагога перед государством, говорил, что если башмачник будет плохим мастером, то государство от этого не очень пострадает – граждане будут только несколько хуже обуты, но если воспитатель детей будет плохо выполнять свои обязанности, в стране появятся целые поколения невежественных и дурных людей.

В историю Грузии вписаны имена многих славных педагогов, тех, кому общество без преувеличения обязано своим нравственным обликом, и достижениями во всех сферах деятельности. Вспоминаются эти имена в наши дни, как это ни печально, крайне редко. Что-то случилось с нашим сознанием, в котором почетный титул Его Величество Учитель растворился в безликой многотысячной армии работников школы. Сегодня этот титул несет скорее оттенок излишнего пафоса или иронии. Имя учителя ассоциируется чаще всего с фигурой человека, оказавшегося под лавиной реформ, инструкций, школьной отчетности и учебных тетрадей, множеством обязанностей перед детьми, их родителями, администрацией школы - и минимум прав. Он честно и самоотверженно отдает себя делу, той благородной и сложной профессии, которая требует от него не только знаний, но и всех без остатка лучших человеческих качеств: доброты, терпения, мудрости и главное – любви к детям. Профессия требует. Но дает ли она возможность избравшему учительство делом своей жизни чувствовать себя в обществе престижной личностью? Компенсируются ли материально те огромные физические и духовные затраты, которые неизбежны в этом труде? Все мы знаем, насколько скромно приходится жить сегодня учителю. Не секрет, что многим приходится подрабатывать частной практикой, репетиторством, чтобы хоть как-то поддержать свои семьи, вырастить собственных детей, дать им достойное образование.

Мало кому из учителей по силам приобретение нужной ему литературы, газет, журналов. И уж совсем невероятно без каких-либо дополнительных доходов приобретение компьютера на скромную учительскую зарплату. Вот и отстает наш учитель от требований современности, теряет профессионализм. В конечном счете все это сказывается на детях. Есть такая пословица: «Дерево и учитель познаются по плодам их». Но едва ли неухоженное, растущее на скудной почве дерево может дать хорошие плоды. Все в мире начинается с любви. Не сетовать по поводу молодого поколения, а для начала попробовать искренне полюбить и обратить действительное, участливое внимание на того, кому мы доверяем растить это поколение для полноценной жизни в обществе. Потому, без сомнения, так оправданно и своевременно обращение к нам Святейшего с призывом любить и помнить, почитать наших учителей. Учительство – не утраченное искусство, но уважение к учительству, к сожалению, - утраченная традиция. И возрождать утраченное нужно уже сегодня, сейчас.

«Он создал нас, он воспитал наш пламень. Заложил им краеугольный камень, им чистая лампада возжена». Эти строки Пушкин посвятил своему любимому учителю, профессору нравственных наук А.П.Куницыну. В памяти каждого из нас есть человек, которому мы обязаны «краеугольным камнем», положенным в основу той жизни, которую мы строим.

Ирина Гоциридзе

Я с нежной благодарностью вспоминаю Ирину Александровну Гоциридзе. Кажется, в Грузии нет человека, который не знал бы ее или хотя бы не слышал об этой женщине-легенде, учителе от бога. В разные годы она преподавала в тбилисской школе русский язык и литературу, была директором 43-й школы, руководила литературным клубом в Республиканском Дворце пионеров и школьников, была директором тбилисского ТЮЗа, возглавляла Союз театральных деятелей Грузии. Какое же большое сердце нужно

Л.Суворова с однополчанами

было иметь, чтобы изо дня в день, из года в год, с молодых лет щедро дарить тепло нам, каждому, кому посчастливилось быть ее учеником. Она обладала редким, вызывающим глубокое уважение благородством души, удивительным талантом любви к жизни, к людям и делилась этой любовью с нами, учила нас видеть красоту и беречь ее. Она раскрывала, поддерживала и взращивала в каждом из нас творческое начало и умела восхищаться своими учениками искренне, неподдельно. А этим даром обладают не многие. Не удивительно, что среди учеников Ирины Александровны - писатели, поэты, артисты, ученые, педагоги и все, для кого когда-то в детстве доброй и мудрой волей и любовью учителя была «чистая лампада возжена».

Много лет назад улицы наших городов украшали большие щиты, не с изображением рекламируемых товаров, как сегодня, а с портретами известных в стране, уважаемых обществом людей, деятелей науки, литературы, культуры... Мы с детства знали в лицо тех, кем гордилась Грузия, кто составлял ее славу. Хорошие традиции, наверное, стоят того, чтобы их возрождали. Санкт - Петербург, например, в Год учителя решением городской администрации будет украшен портретами лучших педагогов, заслуженных деятелей науки и образования. И я представила, как ожили бы улицы наших городов просветленными лицами и улыбками любимых учителей, воспитателей, педагогов. И в эту галерею я мысленно вношу портреты тех, о ком с любовью и благодарностью вспоминает каждый из нас, кто навсегда получил прописку в стране нашего детства, в нашей памяти.

Если бы такими портретами было решено украсить город Рустави, в числе первых жители города, вероятно, увидели бы незабываемый для очень многих облик Людмилы Николаевны Суворовой, преподавате-

ля русского языка и литературы. Несколько поколений учеников, сотни судеб прошли через жизнь Людмилы Николаевны, и для каждого она осталась примером душевной красоты и самозабвенной любви к детям, к своей профессии, образцом настоящего учителя. Многие ученики Суворовой стали продолжателями ее дела – в нескольких школах города преподают русский язык ее бывшие воспитанники.

Вот, что рассказывает о своей любимой учительнице Циури Беридзе, педагог-русист, лауреат международной Пушкинской премии: «Людмила Николаевна была человеком, который predetermined мой жизненный выбор. Я стала учительницей русского языка и литературы. Для меня она образец учителя и человека, на которого мне и сегодня хочется равняться. Это была белокурая красавица, очаровательная и очарованная поэтическая душа. На уроках она завораживала нас своей артистичностью, словом, образной речью, в которой каждая фраза была отточена и убедительна. Это были не просто уроки, а раздумья о смысле жизни, о войне и мире, о поэзии и быденном, о жизни замечательных людей, служащих примером для подражания. Общаясь с Людмилой Николаевной, я впервые поняла, что такое «культура ума» и «культура чувств». Она жила насыщенной духовной жизнью, и в этой жизни всегда было место для нас, для каждого из ее учеников. Школа была ее семьей, ее домом, ее храмом. Это отношение к школе она старалась привить и нам. Самым большим увлечением нашей учительницы после школы был театр. В течение многих лет она играла в спектаклях народного русского драматического театра, руководимого ветераном войны Надеждой Федоровной Грековой. И каждый спектакль, в котором участвовала наша любимая учительница, был праздником. Глядя на эту увлеченную, доброжелательную, улыбкувую женщину, никому и в

голову не могло прийти, что прожила она сложную, трудную, полную лишений жизнь, прошла дорогами Великой Отечественной войны. И только однажды, 9 мая, когда Людмила Николаевна пришла в школу в гимнастерке, на которой мы увидели ордена и медали, мы, потрясенные, поняли, какая необычная и славная биография у нашей любимой учительницы. Она ушла на фронт добровольцем в декабре 1942 года и до сентября 1945-го служила в составе 588 транспортного батальона Закавказского фронта. Только после войны Людмила Суворова смогла осуществить свою давнюю мечту – поступила на филологический факультет Тбилисского государственного университета. Ее однокурсниками были Булат Окуджава и Александр Цибулевский. Булат потом уехал в Калугу, Шура остался в Тбилиси, а Людмила Николаевна была послана по распределению в Рустави. Так началась ее педагогическая деятельность – сначала учителем русского языка и литературы, затем завучем в школах №3 и №12, а потом директором школы №9. Выйдя на пенсию, Людмила Николаевна создала в городе кукольный театр, для которого писала пьесы, вместе с детьми делала кукол, строила декорации. Я боготворила Людмилу Николаевну, но даже после окончания школы стеснялась к ней заходить и только к праздникам посылала ей поздравительные открытки, хотя сама

Л.Суворова и Ц.Беридзе

С детским театром кукол

жила недалеко. Прошли годы, я, наконец, преодолела робость и пришла к ней, чтобы признаться в любви и сказать, что благодаря именно ее урокам я выбрала свой жизненный путь. Радости Людмилы Николаевны не было предела. С тех пор мы подружились. Я делилась с ней своими раздумьями о школе, она со мной – своим богатым профессиональным опытом, помогала жизненными советами. Она приходила в мою школу на уроки и литературные вечера, иногда брала ини-

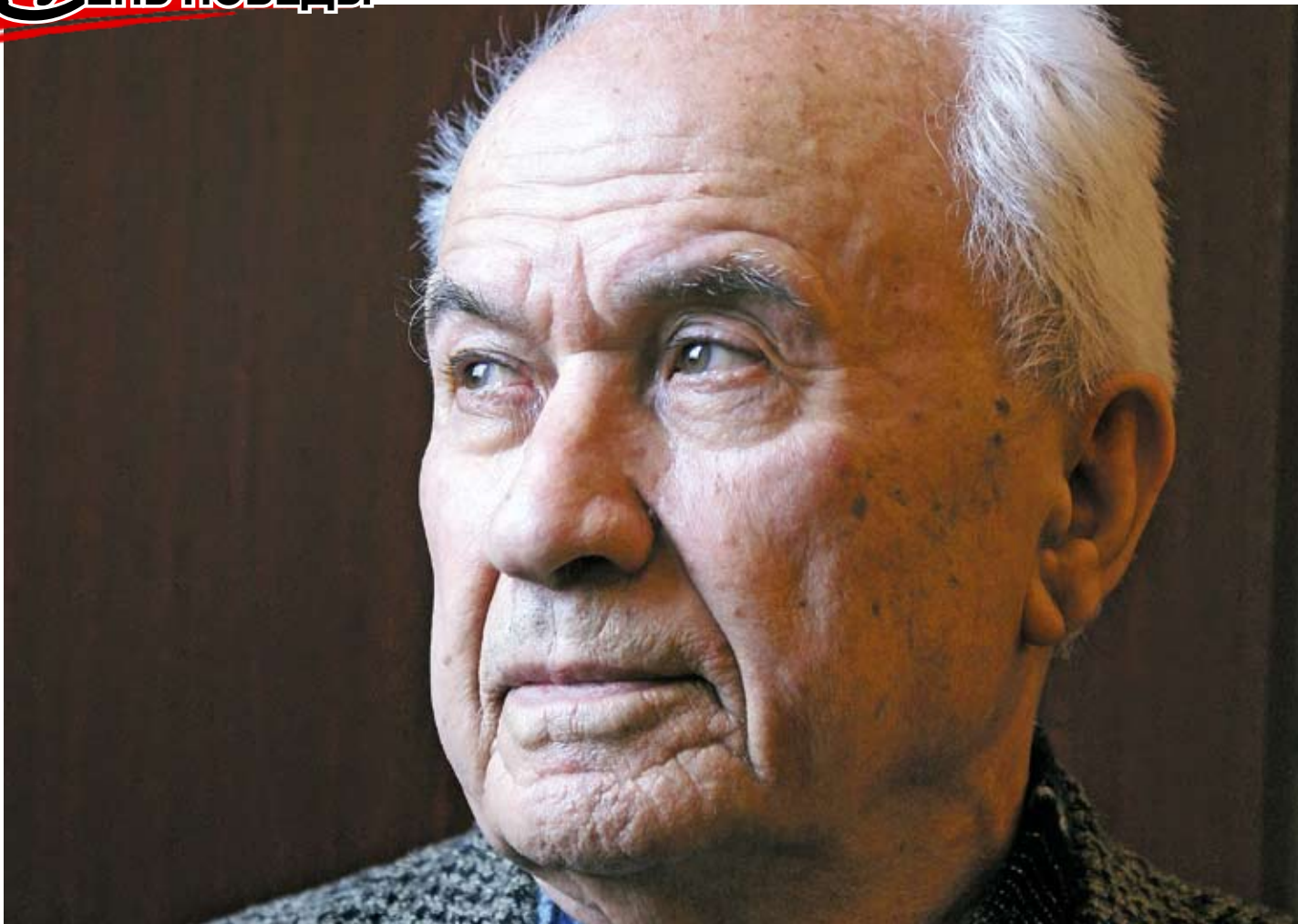
циативу в свои руки, и мы вместе проводили урок. И так же, как я когда-то, мои ученики замороженно слушали рассказы уже старенькой, но все так же молодой душой учительницы о жизни и литературе, о достоинстве человека и о тех духовных ценностях, которыми и определяется личность настоящего человека. Низкий поклон Вам, Моя дорогая Учительница!

Низкий поклон от меня и многих, многих Ваших учеников, которым Вы подарили свое сердце и посвятили свою жизнь! В тот горестный день, когда мы узнали, что нашей любимой учительницы больше нет с нами, когда невыносимой болью сжалось сердце, один из моих учеников осторожно положил мне на стол листочек со стихами. Я не знаю, кому принадлежат

эти пронзительные строчки, но они прозвучали как напоминание о тех, кого мы все не в праве забыть.

«...И снова речь – спокойна и легка,/ И снова дышат отраженным блеском/ Гексаметры старинного стиха/ И плеск листвы в былых садах библейских/ Отчизна, воля, тот горчайший дым,/ Что нас разбудит поздно или рано,/ Но дай хоть раз заплакать покаянно: «Учитель, перед именем твоим...»

Виктория ПОПОВА

РЯДОВОЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

В год, когда началась Великая Отечественная война, Давид Якобашвили закончил среднюю школу. В первые же дни войны он с товарищами по классу пришел в военкомат и попросился добровольцем на фронт. Но его не взяли. «Осенью тебе и так призываются. Тогда мы и призовем тебя честь честью, в положенный срок», - сказали ему. Так оно и случилось.

Родился Давид Константинович в Сачхерском районе, в большой, дружной крестьянской семье, где росло шестеро сыновей. Он до сих пор помнит наизусть полученное им перед самым началом войны письмо от старшего брата Трифона, который проходил тогда срочную службу в армии и должен был уже увольняться. Солдат писал, что боится, как бы его не задержали в части. Тогда он приедет домой позже, когда Давид будет уже призван в армию. Это значит, писал он, что им не удастся увидеться еще три года. Брат ошибся. Они так никогда и не увиделись, потому что Трифон геройски погиб в первые же дни войны. Не вернулся с фронта и другой брат Давида Якобашвили – Василий. А из двенадцати школьных

товарищей одного выпуска, призванных на фронт, в живых осталось только четверо. Такая вот печальная статистика.

Осенью группу призывников из Грузии посадили в поезд и повезли в Москву. Остановились не доезжая до столицы – в Кашире. Там пополнение переодели, накормили, дали два дня отдыха. А после этого начались очень серьезные занятия по строевой, боевой, огневой, политической подготовке.

- Враг подходил к Москве, и его, конечно, готовились встретить, - рассказывает Давид Константинович. - Подразделения защитников Москвы старались комплектовать из коммунистов, комсомольцев, по меньшей мере с законченным средним образованием. И готовили нас очень серьезно. Я, например, владел любыми видами стрелкового оружия и советского, и зарубежного производства, мог на слух сказать, из какой марки оружия ведется стрельба. И физическая подготовка была неплохой, что меня впоследствии не раз выручало в бою. Кстати, с тех пор я, видимо, и привык к ежедневным нагрузкам. До сих пор, а мне уже 87 лет, я ежедневно каждое утро делаю физзарядку, стараюсь больше ходить пешком, физической работы не чураюсь. Потому, наверное, и чувствую себя неплохо для моего возраста.

Вспоминая бои под Москвой, Давид Константинович особо отмечает высокий уровень организованности гражданского населения, его готовность вместе с военными отстоять город любой ценой. Чуть позже подразделение, в которое попал Давид Якобашвили объединили с 21 гвардейской дивизией,

которой выпало принять бои на Наро-Фоминском и Волоколамском направлениях. Конечно, повидать пришлось много. Со временем, говорит фронтовик, ко многому привыкаешь. Но есть вещи, к которым невозможно привыкнуть. Это, прежде всего, касается зверств врага по отношению к мирному населению, ко всему, что свято для каждого человека.

Он вспоминает, что уже после того, как врага отогнали от подступов к Москве, ему довелось побывать в Загорске (Сергиев Посад), и он был поражен тем, какой след оставила война в этом городе, на удивительной красоте Троице-Сергиевой лавре. А ведь в Загорске непосредственно практически не шли бои. Тяжелая картина была результатом бомбежек, которые там проводились.

- Позднее – рассказывает Давид Якобашвили, - уже на Кавказе, мне пришлось видеть немецкие душегубки. Это закрытые грузовые машины, куда сажали людей и пускали газ. Однажды мы открыли такую машину. Зрелище было страшным. Или, тоже на Кавказе, случилось отрывать детей из туберкулезного диспансера, заживо похороненных немцами. Вырыли 22 ребенка. Тоже зрелище не для слабонервных. Все это только убеждало в том, что мы боремся с силой, злой, жестокой, бесчеловечной, которую надо уничтожить, потому что она представляет собой опасность для всех живущих на земле.

Впрочем после Москвы на Кавказ рядовой Якобашвили попал не сразу. До того был левый берег Волги, на подступах к Сталинграду, где перед бойцами была поставлена задача – не допустить переправу через реку вражеских войск. И уж оттуда часть была переброшена, сначала – в Махачкалу, а потом – в нефтеносные районы Моздока и Малгобека. Немец пришел на Кавказ.

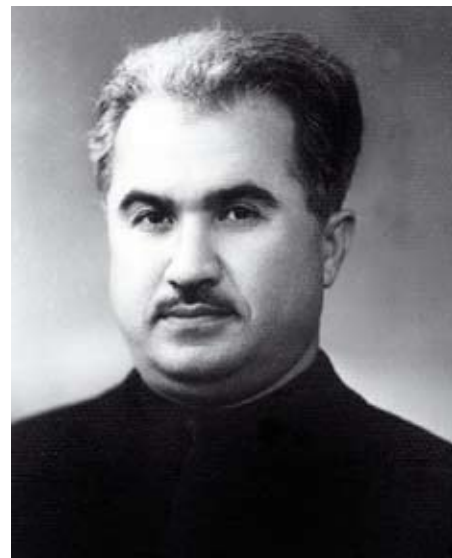
- Мне кажется, - делится собеседник мнением, - что победу во многом определило сознание нашей общности и того, что война в равной степени касается всех. Защищая Москву, я воевал за свою родину. А на Кавказе бок о бок со мной дрались 14 коренных москвичей, которых я знал еще с Волоколамска. Отлично, кстати говоря, дрались. И вообще, были мировые ребята. Случилось так, что они все погибли в один день. На войне человеческая жизнь обесценивается. Но гибель этих парней все мы пережили, как большое личное горе. Мы похоронили их в селе Верхний Курп в Кабардино-Балкарии, и мне кажется, что я и сейчас смогу найти их могилу.

Тут я вот еще о чем хочу сказать. Российско-грузинские отношения сегодня переживают не лучшие времена. Но проблемы, возникшие между странами, которые, конечно, когда-нибудь утрясутся, ни в коем случае не должны переходить на людей. Я вырос в уважении к русскому народу, благодаря отцу, который служил еще в царской армии и всегда повторял, что видел от русских только хорошее. Он был простым человеком, но позаботился, чтобы его сыновья владели русским языком, читали на нем. Помню, я был тогда совсем маленьким, к нам в деревню пришли беженцы из голодающих областей России. Отец впустил двоих в дом, и они довольно долго прожили у нас. За столом их всегда усаживали на лучшие места. «Они этого заслуживают, - говорил отец, - вы даже не представляете себе, какие это люди». На войне, да и потом, я не раз убеждался в его правоте. Никогда не забуду командира нашего дивизиона полковника Жукова, однофамильца легендарного полководца. Это был святой человек, ценивший солдат и делавший все для того, чтобы облегчить им непростые будни. Лично ко мне он был очень расположен, и я отвечал ему искренней благодарностью.

Полковник погиб на моих глазах, при освобождении Минеральных Вод, и это было для меня большой личной потерей.

Война закончилась для Давида Якобашвили в ноябре 1943 года. В сентября его ранило, и он был направлен в госпиталь в Махачкалу. До того два месяца исполнял обязанности заместителя командира дивизиона по политической части. Должен был быть представлен к офицерскому званию. Но из-за ранения, в результате которого солдату была присвоена вторая группа инвалидности, так и остался рядовым, честно выполнившим свой долг перед отечеством, героически прошедшим фронтовыми дорогами, не раз глядевшим в глаза смерти. Давид Якобашвили является кавалером ордена Отечественной войны первой степени и 25 медалей.

После войны жизнь Давида Якобашвили сложилась в общем благополучно. Сначала работал в колхозе, был учителем сельской школы, потом переведен на комсомольскую работу, закончил

Давид Якобашвили

В Совете ветеранов

исторический факультет университета. Работал на ответственных партийных и хозяйственных должностях. Создал семью, трех дочерей вырастил. Сегодня одна – музейный работник, вторая – врач, третья – преподаватель первой классической гимназии. У ветерана четверо внуков, старшему из них 25, а младшему пошел пятый год.

Выйдя на пенсию, Давид Константинович об отдыхе и не помышляет. Сейчас он является заместителем председателя Тбилисского городского совета ветеранов войны и вооруженных сил. А работы там, по его же собственному признанию, невпроворот. «К сожалению, - говорит Давид Якобашвили, - у многих ветеранов со здоровьем дело обстоит неважно. Возраст уже у всех не маленький. Есть среди них и одинокие люди, которым и стакан воды подать некому. Мы стараемся, по возможности, помогать им. И часто это удается сделать. Это очень важно для меня сегодня – чувствовать себя занятым, а главным, полезным. Без этого я бы, наверное, жить не мог».

Дави БЕРДЗЕНИШВИЛИ

«Я СУЩЕСТВУЮ,
ЗНАЧИТ
СЧАСТЛИВ»

Сергей Надеев – поэт, переводчик, издатель. Родился в 1956 году в г. Арбаж Кировской области. В качестве поэта печатается с 1973 года. В 1978 году окончил Волгоградский политехнический институт. Организовал и возглавил издание биографической энциклопедии «Русские писатели XX века». Составитель хрестоматии «Шедевры русской поэзии. Вторая половина XX века». Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей СССР, Союза писателей Москвы, Международного союза журналистов. Главный редактор газеты Союза писателей Москвы «Литературные вести». Переводит грузинских, армянских, болгарских, сербских и китайских поэтов.

- Как это ни парадоксально, впервые я ступил на грузинскую землю 19 июня 2009 года, к началу III Международного русско-грузинского поэтического фестиваля. Но с Грузией у меня складывались заочные отношения, потому что в 80-е годы я переводил поэзию Шота Нишнианидзе. Это замечательный поэт, которого, к сожалению, уже нет с нами. И тогда же, в 1988 году, если память мне не изменяет, журнал «Дружба народов» опубликовал поэму Нишнианидзе «Улетевшая эпитафия» в моем переводе. Грузия прошла в моей жизни через друзей, через связи с московскими литераторами-грузинами, через переводы, то есть, к сожалению, по касательной, опосредованно...

- Ну, это пока что...

- Да, я надеюсь.

- Если обратиться к историческим хроникам, легко убедиться, что история взаимоотношений Грузии и России начала свой отсчет еще в XI веке. Есть ли способ не прерывать эту историю, сохранить и продлить ее?

- Конечно, есть. Надо менять правительства (Улыбается). Потому что между народами нет никаких разногласий. Между культурными людьми нет никаких противоречий. Есть споры по поводу культуры – но это на уровне обсуждения, а не войны. В России я никогда не замечал антигрузинских настроений, ну нет этого среди обыкновенного народа, среди простых людей, что называется. То есть никакого бытового антигрузинства нет, потому что причин для того, чтобы мы расстались или между нами были какие-нибудь препоны, нет никаких, абсолютно. Все дело в политике. Все же не зря министр иностранных дел Лавров сразу после конфликта все-таки сказал во всеулышание о том, что да, у нас нет дипломатических отношений, но культурные, человеческие связи мы прерывать не должны.

- Да, об этом говорилось неоднократно. И не только министром Лавровым.

- Люди культуры важны друг для друга, а политики, я думаю, заинтересованы в отношениях и не заинтересованы друг в друге, то есть конкретная политическая

фигура не заинтересована в конкретной политической фигуре. Все, как обычно, – паны дерутся, у холопов чубы трещат. А в человеческих отношениях, по-моему, нет проблем. В Грузии я увидел только доброжелательство. Мне очень понравилось, что на границе улыбающиеся пограничники говорили нам: «Добро пожаловать в страну!» Даже в самолете объявления звучали на русском языке, а не на английском. Мы почувствовали, что нас ждут, что нам рады. А вот в Эстонии, к примеру, было иначе. Россия была официальным гостем книжной ярмарки, которая проходила в Таллинне, и состоялся прием у министра культуры. Министр говорил на эстонском, а перевод для нас делали на английском. Ну и ну, вот это называется - пригласил к себе русскую делегацию! Было смешно.

- Абсурд.

- Нет, это хамство. Поэтому Татьяна Толстая, оскорбившись, демонстративно пошла к тарту, который должен был разрезать министр, и зачерпнула его ложкой. А здесь, в Грузии, ситуация другая. Абсолютно нет снобизма.

- А какую роль в реальных взаимоотношениях людей вы отвели бы такой совершенной метафизике, как поэзия? Да и что это такое, поэзия?

- Поэзия – это жизнь. Потому что нельзя жить другой, нереальной жизнью или, отвернувшись от реальной жизни, вдруг взять и написать стихотворение. В поэзии должно быть погружение. Вот Андрей Грицман – он доктор, он ведет прием, а в голове-то у него стихи крутятся. Он уходит за ширму и записывает стихотворение во время приема именно потому, что для пишущих людей стихи – это жизнь. Как говорил Блок, поэзия – это не карьера, это способ существования.

- Вы зависите от стихов или стихи зависят от вас? Кто кем командует?

- Я не знаю... Стихотворение является все, сразу, одновременно приходят слова, приходит размер, приходит звук.

- Остается только его записать?

- Да. Наверное, можно задавать себе какие-то формальные задачи, сидеть и раздумывать, дай-ка я напишу стихотворение, например, о скамейке... Но это не путь поэзии. Это путь ученичества в поэзии.

- Каких-то тренировок, словесных игр...

- Конечно, поэт должен уметь хорошо писать, владеть всеми формами для того, чтобы потом от всего этого отказаться... Писать надо, когда пишется. Была такая порочная формула Олеси - «ни дня без строчки»... Поначалу пишущего человека преследует страх, что вот, сегодня он написал стихотворение, а завтра-то вдруг ничего и не напишет. Спокойно. Если надо, напишется. Он все равно все умеет, в подсознании все есть. Но для поэта, конечно, очень важно много знать, много читать...

- То есть роль образования очень важна. А каково значение опыта, страдания, без которого, как считал, например, Владимир Высоцкий, творить невозможно? Ведь глубоко страдать могут и необразованные, и неопытные молодые люди...

- Здесь я поспорю с Владимиром Семеновичем. Страдать – это тоже умение, умение души, воспитание души. Нужно уметь страдать, учиться страдать, учиться постигать и осмысливать свой опыт. Ведь поэзия, в первую очередь, это способ мышления. И если нет какого-то внутреннего мировоззрения, то нет и поэта.

Почему очень много плохих стихов? Потому что нет в авторе законченного представления о мире, осознанного мировоззренческого взгляда. Может, ему и есть, что сказать, да не получается. Ведь чем меньше зазор между тем, что ты хочешь сказать и тем, что у тебя получилось, тем больше талант. Например - спустимся от поэзии на землю – есть прекрасные устные рассказы, послушав которых, все им говорят: «Запиши, запиши это!» Рассказчик садится за письменный стол и ни слова записать не может из того, что только что наговорил – велик зазор.

- А каково, на ваш взгляд, состояние современной поэзии вообще?

- Я современную поэзию не читаю... Но вот что я вам скажу - все развивается циклично. Посмотрим на начало позапрошлого века, когда был молодой Пушкин-

кин, – в какие годы он написал свои лучшие стихотворения? В середине 20-х годов. Когда Мандельштам написал свои лучшие стихотворения? В середине 20-х годов прошлого века. А погибли они в разные века в один год – 37-й. Посмотрим на 1909 год прошлого века – Блок писал еще плохо, Ахматова к этому времени еще ничего не написала, кроме юношеских опытов, Пастернак – тоже.

- Но был Иннокентий Анненский.

- Был. Правильно. Но посмотрим теперь на 2009 год. Вся современная поэзия – это фон. А главных людей в поэзии пока нет. Но кто-то уже взрослеет и растет. А на месте Анненского – Олег Чухонцев. Прямых аналогий нет, но характерные совпадения и параллели есть. Хотя Евтушенко всю жизнь ждал Пушкина. Не дождался. Наверное, завышенные ожидания были. Или просмотрел. Но, с другой стороны, поэзия меня-

ется, и люди меняются. Наступает постмодернизм, актуальное искусство, и, когда нет ориентиров, происходит подмена понятий и ценностей. Показательный пример – скандал с Сэлинджером.

- Да, некто Калифорния написал продолжение «Над пропастью во ржи» - «60 лет спустя».

- Комментарии в Америке по этому поводу были такие – да, авторское право нельзя нарушать, но мы живем в свободной стране, и это должно быть опубликовано. То есть, эта свобода, эта толерантность – это даже не палка о двух концах, это гроб.

- В случае с палкой хоть есть выбор между двумя концами...

- Да, это гроб, потому что талант, оказывается, должен оглядываться, как бы ему не ущемить своим профессионализмом какого-нибудь убогого. А не дай бог, он еще негр и без ноги. Эта толерантность на самом деле совершенно разрушает рамки профессионализма. Исчезают критерии, по которым оценивают произведения искусства. Насаждается актуальное искусство. Это снежный ком, лавина. Этому надо противостоять, но как? У нас закачивались огромные деньги на поддержку актуального искусства. А на памятник, по-моему, Достоевского мочился кто-то из художников, и это была художественная акция. Этого нельзя делать, а противостоять этому очень сложно. Но самая большая проблема – это, конечно, школьное образование. Откуда берутся читатели? Из школы. А литературы в школе нет. Их не учат читать.

- А в нашей советской школе так ли уж нас учили и

приучали? А какие читатели выросли...

- Кого-то, безусловно, и отучали, и отвращали. Но! Человек, окончив школу, хотя бы знал «Слово о полку Игореве», знал хронологию, знал иерархию имен. А теперь любой велик.

- А без каких имен вы не можете представить свою книжную полку?

- Ну, можно ответить и так, и этак. И все равно будет правильно, будет правда. Книжная полка с годами уменьшается. Да она, пожалуй, и не нужна. В голове уже все есть. Я не из книголюбцев, которые постоянно что-то перечитывают. Я знал одного поэта, очень

плохого, который каждый год перечитывал «Войну и мир».

- Может быть, человек так любит, что наслаждается?

- Но вы представьте, сколько времени в году занимает прочтение всех томов этого романа! Я не знаю, что это – снобизм или болезнь, но от этого он писать лучше не стал. Я не возвращаюсь к уже прочитанному, потому что времени нет.

- А у любимых литераторов вы учились?

- Нет. Что такое учеба? У Набокова в «Других берегах» есть совершенно потрясающее место – он стоит и смотрит, как летит бабочка, и перед ним как бы открывается бездна, и он так много понимает, и именно в этот момент зарождается душа... У каждого человека такие моменты есть. В глухие (или подставьте любые другие эпитеты) семидесятые мне впервые дали прочесть Мандельштама – красные листы, самодельный переплет. Одолжили на одну ночь. Я был поражен – вот как, оказывается, можно писать!

- Случился полет бабочки.

- Да, произошло именно это. А года за три до этого случая где-то я услышал имя Пастернака. Я жил тогда под Волгоградом, в городочке без особых культурных связей, в простой семье. Я пошел в библиотеку. В читальном зале мне выдали большой том. У меня была тетрадка, в которую я, как барышня, выписывал понравившееся. А читал и знал я очень много. И вот я читал Пастернака, и не понимал, что в нем великого. Спустя три года я заглянул в свою тетрадь, и посмотрел, что же я выписал из него. Первым шло «Февраль. Достать чернил и плакать», вторым – «Маргарита». То есть я пропустил полкниги. Я был не готов. Просто не готов. А до первого собственного стихотворения, за которое мне не стыдно, я написал их порядка четырехсот. Я мог бы графоманить так всю жизнь, но к серьезному творчеству привел именно Осип Мандельштам. И еще - «Поэтический словарь» Квятковского. Я разрабатывал его от «а» до «я», каждую статью. К тому времени я уже учился в Волгоградском политехе, и у нас уже была среда – друзья-поэты, литстудия...

- А когда вы почувствовали, что литература – это очень важное дело в вашей жизни?

- Что значит важное? Это было как уметь дышать, ходить... Это потребность.

- А переводы, а издательское дело – тоже потребность?

- Мне по молодости хотелось литературной жизни. В советское время литература была закрытым орденом со множеством привилегий. Я ходил во всевозможные студии писателей Москвы. Цинизм советских писателей мне тогда замечательно открылся. Вот характерный диалог: «Ты куда?» - «Пойду гнать нетленку». Вот они «гнали нетленку» и переводили с узбекского на сберкнижку... Но мне повезло. Когда еще я жил в провинции, я переписывался с Ириной Роднянской. И когда я приехал в Москву, мы с ней регулярно встречались, она знакомила меня с разными людьми, подсовывала мне интересные книжки... Потом Наташа Соколовская сыграла в моей судьбе заметную роль. Хотя мы с ней знакомы тридцать лет, а увиделись сейчас второй раз в жизни.

- Бывает...

- Именно благодаря Наташе в моей жизни появился Владимир Леонович, затем Ян Гольцман, близкие

к грузинам люди... И я стал переводил Шота Нишнина-нидзе, и перевел его очень много.

- А каких принципов перевода вы придерживаетесь? Межиров, например, очень уважительно относился к подстрочнику, а отношение Ахмадулиной очень властное, если не сказать своевольное...

- Я занимаю среднее положение между двумя переводческими школами. Есть школа научная, строго следующая определенным правилам и требованиям, и есть школа вольных переводов, так сказать, по мотивам. Я считаю, что переводить надо с поэтического языка на поэтический. То есть если вы переводите на русский язык, это, в первую очередь, должно быть русское стихотворение, иначе читать его будут только специалисты. Перевод не может дать представление о языке оригинала – это неперевоаемые вещи. Мне нравится переводить с китайского – это вообще что-то особенное, совершенно другое. Во-первых, у них абсолютно другой звук, а с одного стихотворения можно сделать десять миллионов подстрочников, и все будут разные. Вот тут свобода полная и полная безответственность! (Смеется).

- Что вы переводите сейчас?

- Последнее время я много переводил болгарскую поэзию.

- Вернемся к вопросу о вашей деятельности как издателя?

- Когда началась перестройка, каждый искал место в этой жизни. Что могу делать я? Поближе к буквам быть. Самый близкий путь – это книги. Не газеты. Кроме того, тогда это был и привлекательный бизнес – первые издания расходились, как горячие пирожки. Был голод на книги. И как раз разрешили издавать книги за счет средств авторов. Но тогда еще работали нормально и старались лабуду всякую не издавать. Был настоящий бум. Можно было издать Бердяева тиражом в сто тысяч, и расходилось все. А мы организовали свое первое издательство «Глагол» под Лимонова, специально для того, чтобы издать «Эдичку». Но это отдельная тема. Не будем пиарить Лимонова, я вам потом об этом расскажу.

- Но это достойно упоминания. Книга значительная. Меня она в свое время потрясла.

- Бесспорно. Но у Лимонова есть роман «Палач». Этот пожестче будет... Ну, в общем, сделали мы свое издательство и наиздавали где-то полмиллиона «Эдички»... А серьезным, настоящим и очень большим проектом была наша энциклопедия «Русские писатели XX века». Нам вообще казалось, что мы перевернем все. Это было подведение итогов века. Был такой профессор МГУ Петр Алексеевич Николаев, которому эту идею предложил осуществить Сорос. Потом финансирование кончилось, и у Николаева осталась полусырая заготовка. И в течение пяти лет мы, на свои с трудом заработанные деньги, доводили это до конца. Страна была в разлуке, никто ничего не зарабатывал, особенно литераторы. И те двести рублей, которые мы платили за статью, были смехотворны, но многих поддержали в тяжелое, голодное время. Денег мы, конечно, вбухали невероятное количество. Но все рухнуло в 1998 году, когда оказалось, что мы сидим с почти готовой рукописью, а денег нет. И не будет. И мы продали наш проект «Российской энциклопедии» и еще год вместе с ними дополняли и доводили до конца эту работу. В 2001 году мы выпустили нашу книгу, и она получилась значительной и инте-

ресной. А последний проект – хрестоматия «Шедевры русской поэзии». Я делал это с Алексеем Ивантером, который был мотором этой идеи. Мы выбирали не по количественному принципу – лишь бы было представлено как можно больше поэтов, а именно по качеству стихов. Книга получилась однобокая, конечно, но это же авторский проект. Вы знаете, я мечтал об этом еще в советское время – издать, например, стихотворения Бунина, но не все подряд, а самые-самые. И понимал, что этого никогда не удастся сделать, никто не позволит... Так что в этой хрестоматии я оторвался, что называется.

- Можно сделать подзаголовок «Любимое»?

- Нет, нет. Это объективно шедевры русской поэзии. Хотя по большому счету нет точных критериев для подобных оценок.

- А сегодня издательское дело существует в вашей жизни?

- Нет. Я зарабатываю деньги другим способом. Только если в некоммерческом виде – кому-то помочь...

- Я хочу задать вам любимый вопрос. Дали говорил: «С годами я хорошею». А вы?

- Умнею.

- Пожалуйста, продолжите фразу – я счастлив, когда я...

- Когда я существую. Я вообще счастлив.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ТЕПЛОЕ МОРЕ, ПРИВЕТ ОТ ХОЛОДНОГО!

В холодном ветреном феврале приятно вспомнить о лете, теплом Черном море, горячем песке и гостеприимном южном солнце. Вспомнить о дружеских встречах, интересных собеседниках и еще одном море – море поэзии.

Наверняка, именно так вспоминают прошедшее лето участники III Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «В поисках Золотого руна». В любом случае, таким запомнился фестиваль девушке, приехавшей с берегов холодного Балтийского моря – поэтессе Олесе Каневой.

Познакомиться с Олесей мне было вдвойне любопытно. Во-первых, она интересный поэт, а во-вторых мы ровесницы, и мне захотелось поговорить о ней.

Поэзия вошла в ее жизнь еще в детстве, когда слова сами складывались в строчки, и она записывала их то на клочках бумаги, то на спинке стула.

Несколько лет назад девушка круто изменила свою жизнь, переехав из родной Печоры в столицу Эстонии. По ее словам, это был очень серьезный и ответственный шаг.

«В Таллинне я бывала еще будучи школьницей. Поэтому, не поступив на факультет журналистики Санкт-Петербургского университета, решила переехать в Эстонию. Я была совершенно одна, но думаю, это правда, что новичкам везет. Первое время было, конечно, трудно, но все утряслось».

Таллинн привлек Олесю своим неповторимым шармом, какой-то романтической грустью и обилием дождей, которые всегда наводят ее на поэтический лад. Однако, попав в незнакомый город, по ее словам, «все мечты и душевные порывы надо было отодвинуть на второй план и как-то обустроиться. Пришлось быстро повзрослеть и посмотреть на мир более трезво. А пишу я, когда невозможно молчать, когда что-то накапливается и живет во мне, не исчезая».

Сейчас, через пять лет после столь резкого поворота судьбы, Олеся уже полностью интегрированный в эстонскую жизнь деловой человек. Она активно сотрудничает с литературным журналом «Вышгород», а также редактирует один из самых популярных русских порталов в Эстонии.

«Вообще мечту стать журналистом частично удалось реализовать, поскольку я очень тесно сотрудничаю с электронными СМИ – пишу для русского портала, имею свой собственный, который требует много сил», - признается Олеся.

За столько времени у нее в Эстонии появилось много друзей и знакомых. Олеся говорит, что не имеет смысла расставлять приоритеты, потому что все будет так, как должно быть. «Единственное, что я знаю

точно – в жизни нужно заниматься тем, к чему лежит душа. Получать удовольствие от любимого дела, от работы – вот главное».

Олеся Канева – официальный представитель Международной федерации русскоязычных писателей в Эстонии, что считает значительным достижением в жизни. Большим событием в ее творческой жизни стали проведенные Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» поэтические фестивали в 2008 и 2009 годах. Впервые попав в Грузию, она восторженно написала: «Я для себя открыла Грузию –/Под небом горные хребты».

В своей статье «Грузия, которую увидела» она пишет: «Дни пребывания в удивительной, солнечной стране показались тогда сказкой. Каковы были мои шансы, как у простой обывательницы, оказаться в Грузии? Практически никаких. Случайность, судьба ... приглашение принять участие в Международном русско-грузинском поэтическом фестивале, блестяще организованном культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» и Международной федерацией русскоязычных писателей. Организованном так, что чуть более недели потребовалось для того, чтобы узнать и полюбить эту страну. И захотеть когда-либо вернуться туда снова...»

Или: «Гостеприимство и добродушие грузинского народа – не преувеличены в легендах. Все так и есть – вам рады, потому что вы гость, а значит, посланник Бога. Ты фотографируешь людей, снимаешь лица и сцены их жизни – для себя, а тебе же за это еще и говорят спасибо. Удивительные, искренние люди – а внешняя размеренность их жизни просто поражает. Как будто застыло и тонет в облаке очень теплого воздуха, и сам невольно включаешься в этот ритм».

По следам той первой поездки Олеся написала целый цикл стихотворений о Грузии, которые выложены на ее личном сайте под значимой рубрикой «Фило-софская лирика».

Тбилиси... Батуми... так странно
Попасть было в эти пейзажи.
И смысл возможности данной
Не сразу открылся мне даже...
Ведь там, где небритые горы
Стеной охраняют дороги,
В душе разрешались те споры,
Что мучили долго и строго.

Мечта девушки вернуться в обласканный солнцем край осуществилась в прошлом году. «В поисках Золотого руна» - фестиваль особенный.

«Для меня в нем очень много полезного. В первую очередь, много мастер-классов, мне очень нравится его образовательный уклон. Второе – это локальность. Надо сказать, что в прошлом году у нас много времени уходило на переезды. Хотя благодаря этим переездам мы увидели Грузию. И пожалуй, самое главное – это уникальная возможность общения людей из разных стран, разных возрастов, разных стилей и направлений».

«Мне иногда кажется, что я везучий человек», - признается Олеся. И надеется поехать в Грузию еще раз. На будущий фестиваль.

Я десять дней купалась в Грузии –
Архитектурная река...
В ней столько страсти необузданной...
На дне ее не ил – века!

Мои сравнения абсурдные
Пускай одно покажут вам –
Что возвращенье было трудное
К своим ручьям и родникам!

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

«УМ И ДЕЛА ТВОИ БЕССМЕРТНЫ...»

В летний день 1829 года на гору Давида по узенькой дорожке поднимались два спутника. Они подошли к гробнице, высеченной в высокой скале. Один из них стал на колени. Это был Пушкин. Скорбящий поэт оплакивал Грибоедова.

Через несколько лет могилу Грибоедова на Мтацминде посетил сосланный в Грузию русский декабрист – писатель Бестужев-Марлинский. В одном из писем он писал: «Я плакал на могиле Грибоедова».

При жизни Грибоедов всем своим поэтическим чувством любил Мтацминду. Увлеченный романтическими думами, поэт часто гулял в ее окрестностях. По сообщению современников, Грибоедов «во время своего путешествия в Персию словно предчувствовал, что не вернется оттуда, и много раз говорил в шутку своей молодой жене: «Не оставляй моих костей в Иране, если я там умру, похороны меня в Тифлисе на горе Давида». То же самое подтверждает, между прочим, обращение тогдашнего главного правителя Кавказа к экзарху Грузии, датированное 21 мая 1829 года.

Мтацминду Грибоедов называл «поэтической собственностью Тифлиса», и показательно, что местом действия своей трагедии «Грузинская ночь» поэт избрал ее.

Несколько позже Бараташвили чудесными красками нарисовал пленительные мтацминдские пейзажи.

Поэтическая гора Мтацминда в Тбилиси свято хранит прах Грибоедова. Это не случайно. Имя Грибоедова тесно связано с Грузией. Как пишет один из современников Грибоедова, Грузия была ареной его деятельности: здесь в литературном труде и службе он провел лучшие годы своей жизни. «Он любил Грузию так пленительно, так чисто, как редкие любят даже Родину свою».

Грузия в жизни и творчестве Грибоедова занимает исключительно большое место; значительная часть творческих замыслов Грибоедова связана с Грузией. Достаточно назвать полностью или частично созданные на грузинские темы произведения и творческие планы: «Грузинская ночь», «Кальянчи», «Там, где вьется Алазань», «Радамист и Зенобия».

Большой интерес представляет проект Грибоедова, предусматривавший социально-экономическую реформу в Закавказье и, в частности, в Грузии. Замечательным является также его план перестройки Тифлиса.

Грибоедов жил и работал в Грузии в период подготовки известного заговора 1832 года. Он был в близких, дружественных отношениях с главными участниками заговора – Чилашвили, А. Чавчавадзе и тифлисским губернатором Завилейским. Возможно,

Александр Грибоедов

что Грибоедов, разделявший идеи декабристов и являвшийся ближайшим другом Рылеева, имел с ними связь. Известно, что одна часть заговорщиков испытала влияние декабристского движения.

22 декабря 1818 года Грибоедов впервые посетил Грузию. В то время он был назначен секретарем временного поверенного России в Персии и ехал к месту назначения. О первом приезде Грибоедова в Грузию существует множество воспоминаний, по которым можно восстановить картину его жизни здесь. Как выясняется, Грибоедов оставался в Тифлисе с 21 октября 1819 года по январь следующего года. Именно в этот период между Грибоедовым и декабристом Якубовичем состоялась дуэль. Грибоедов был ранен. Он потерял мизинец. Между прочим, по этому признаку был опознан труп Грибоедова, убитого в Тегеране 30 января 1829 года. Это подтверждает Пушкин, а также одно из частных писем Нины Чавчавадзе.

28 января 1819 года Грибоедов направился в Иран, где он пробыл три года. В течение этого времени он несколько раз приезжал в Грузию. До нас дошли записи в дневнике Грибоедова, где он описывает путешествие в Тифлис в августе 1820 года. Грибоедов воссоздает величественные картины грузинской природы.

Как видно, Грибоедову было трудно жить в одиночестве в Иране. Не с кем было делиться своими творческими планами, переживаниями и впечатлениями. В феврале 1822 года, по сведениям всех биографов и судя по его дневнику, он покинул Иран и вернулся в Тифлис. Здесь он находился на посту дипломатического секретаря Ермолова.

Прибыв в Тифлис, Грибоедов встретился с

Вильгельмом Кюхельбекером, поэтом-декабристом, ближайшим другом Пушкина. С этим молодым романтиком Грибоедов познакомился еще в 1817 году в Петербурге.

В декабре 1821 года Кюхельбекер прибыл в Грузию, чтобы приступить к службе в дипломатической миссии Ермолова. По сведениям Н. Муравьева, Кюхельбекеру в Грузии создали невыносимые условия как вольномыслящему и ненавидящему самодержавие человеку.

В Грузии Кюхельбекер оставался всего шесть месяцев, но за это время он так сблизился с Грибоедовым, что после его отъезда великий писатель почувствовал себя осиротевшим. В письме к своему другу Кюхельбекеру Грибоедов с болью в сердце пишет о том, что он весь охвачен странной тоской.

Именно Вильгельм Кюхельбекер оставил сведения о том, что Грибоедов в Тифлисе писал свою

Надгробие на могиле Грибоедова

Нина Чавчавадзе

бессмертную комедию «Горе от ума». «Грибоедов писал «Горе от ума», – вспоминает Кюхельбекер, – почти при мне, по крайней мере, мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано».

Судя по сообщениям лучшего друга Грибоедова Степана Бегичева, Грибоедов, приехав в марте 1823 года в Россию, привез два акта комедии.

Как мы уже отмечали, Грузию Грибоедов отразил не только в замечательных лирических стихотворениях и незаконченных художественных произведениях, но и в своей гениальной комедии «Горе от ума».

В образе Чацкого, несомненно, имеются автобиографические элементы. Трехлетнее путешествие Чацкого, безусловно, перекликается с пребыванием Грибоедова в Грузии.

Нашу мысль подтверждает монолог Чацкого, содержащийся в первом варианте комедии. В этом монологе Чацкий сравнивает молниеносное распространение известия о его помешательстве со снежным обвалом. Он описывает горную страну, где видел не-

истовство стихии:

...Я был в краях,
Где с гор верхов ком снега ветер скатит,
Вдруг глыба, этот снег, в паденье все охватит,
С собой влечет, дробит, стирает камень в прах,
Гул, рокот, гром, вся в ужасе окрестность.
И что оно в сравненье с быстротой,
С которой, чуть возник, уж приобрел известность
Московской фабрики слух вредный и пустой.

Это место, взятое из первоначальной редакции гениальной комедии Грибоедова, схоже с некоторыми записями в дневнике поэта, сделанными в период пребывания в Грузии. В этих записях описано Дарьяльское ущелье, обвалы, шум Терека, падение больших глыб.

Николай Муравьев вспоминает, что Грибоедов в 1822 году, по поручению Ермолова, описал землетрясение, имевшее место в Грузии. Это описание также напоминает вышеприведенное место из комедии Грибоедова.

Особенно широко грузинская тема раскрыта Грибоедовым в трагедии «Грузинская ночь», в незаконченной поэме «Кальянчи», а также в стихотворении «Там, где вьется Алазань». В «Грузинской ночи» гениальный русский поэт одним из первых осветил вопрос о крепостничестве в Грузии.

К сожалению, до нас дошли лишь фрагменты указанной трагедии. Во время тегеранской катастрофы наряду с другими рукописями погибла и эта романтическая трагедия Грибоедова.

По поводу «Грузинской ночи» весьма интересные сведения содержат воспоминания Ф.Булгарина.

Содержание трагедии известно из следующего пересказа Ф.В.Булгарина: «Во время военных и дипломатических занятий Грибоедов, в часы досуга, уносился душою в мир фантазии. В последнее пребывание свое в Грузии он сочинил план романтической трагедии и несколько сцен вольными стихами с рифмами. Трагедию назвал он «Грузинская ночь»; почерпнул предмет оной из народных преданий и основал на характерах и нравах грузин».

Здесь же Ф.Булгарин излагает содержание трагедии:

«Вот содержание: один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его; упрекает его в бесчеловечном поступке, припоминает службу свою и требует или возврата сына, или позволения быть рабом одного господина и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю, — забывает обещание. Но мать помнит, что у нее оторвано от сердца детище, и, как азиатка, умышляет жестокою месть. Она идет в лес, призывает дели (али), злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет дели (али) вселить любовь к офицеру в питомицу свою — дочь князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но дели (али) несут пулю в сердце его дочери. Еще не свершилось мщение озлобленной кормилицы! Она требует ружья, чтоб поразить князя, — и убивает своего сына. Бесчеловечный князь нака-

зан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью. Они гибнут в отчаянии. Трагедия, основанная, как выше сказано, на народной грузинской сказке, если бы была так кончена, как начата, составила бы украшение не только одной русской, но всей европейской литературы. Грибоедов читал нам наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедия сия погибла вместе с автором!..»

Остались также воспоминания ближайшего друга Грибоедова Степана Бегичева по поводу этой трагедии. Бегичев рассказывает, что Грибоедов, приехав в Грузию, сказал ему, что он написал трагедию. Грибоедов рассказал Бегичеву содержание трагедии и прочел наизусть несколько отрывков. Бегичев попросил Грибоедова прочесть ему всю трагедию, на что поэт не согласился.

«Я теперь еще к ней страстен, — говорил он, — и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту как чужое сочинение и если буду доволен, то отдам в печать».

Как видно из этих слов, это произведение было завершено, однако до нас дошли лишь фрагменты.

Литературная критика высоко оценила «Грузинскую ночь».

В «Грузинской ночи» Грибоедов широко использовал материалы грузинского народного творчества. Темой трагедии Грибоедов взял одну из грузинских легенд, схожую со сказанием о Сурамской крепости.

В 1822 году, как выясняется из письма Грибоедова к Кюхельбекеру, поэт путешествовал по Кахетии. Восхищенный Алазанской долиной поэт написал стихотворение «Там, где вьется Алазань». С грузинской темой связана незаконченная поэма Грибоедова «Кальянчи». В ней описана история грузинского юноши, проданного в Иран. Внимание прибывшего в Иран путника привлекает замечательный юноша, который подает ему кальян. Путник спрашивает юношу о его судьбе. Из рассказа юноши выясняется, что его похитили из Грузии.

Как в «Грузинской ночи», так и в «Кальянчи» автор проявляет глубокое знание социальной жизни Грузии.

Большой интерес представляет статья Грибоедова, являющаяся, по существу, проектом реконструкции Тифлиса.

В этом документе запечатлена не только любовь Грибоедова к Тифлису, но и отличное знание столицы Грузии.

В 1828 году Грибоедов вместе с губернатором Закавказским составил проект учреждения Закавказской компании, в котором были намечены перспективы социального, экономического и культурного возрождения Грузии. В проекте содержался план широкого развития промышленности, торговли и сельского хозяйства в Закавказье, в частности, в Грузии. Кроме того, в плане особое место занимают различные культурные начинания, учреждение народных школ и др. Этот проект обратил на себя внимание общественности, однако царское правительство, конечно, и не собиралось осуществить это общенародное дело.

Н.Муравьев в своих воспоминаниях пишет по поводу этого проекта: «Когда Грибоедов ездил в Петербург (1828 г. — А.Н.), увлеченный воображением и замыслами своими, он сделал проект о преобразовании всей Грузии... Все сие было изложено красноречивым и пламенным пером, и, как говорят, писцом

под диктовку Грибоедова был З(авилейский)».

Не случайно, что Грибоедов подружился с губернатором Завилейским, радикальным мыслителем, который, как выясняется из исторических документов, принимал активное участие в заговоре 1832 года. Завилейский находился в близких взаимоотношениях с прогрессивной грузинской интеллигенцией, в частности, примечательной является его дружба с поэтом Александром Чавчавадзе. Передовых грузинских интеллигентов, Грибоедова, Завилейского и декабристов, сосланных в Грузию, объединяла общая ненависть к бюрократическо-монархическому режиму. Нет сомнения в том, что Грибоедов, создавший бунтарский образ Чацкого, и в Грузии искал и находил духовно близких этому образу людей. Обращает на себя внимание тесная связь Грибоедова с декабристами, пребывавшими в Грузии. Он старался перевести наказанных декабристов в Грузию. Его хлопоты об Одоевском ни к чему не привели, но Бестужева по его просьбе перевели в Грузию в 1829 году. О связи Грибоедова с ссыльными декабристами весьма интересные сведения дает Петр Бестужев, который встречался с великим поэтом в Грузии. «Слезы негодования и сожаления, — пишет он, — дрожали в глазах благородного; сердце обливалось кровью при воспоминании о поражении и муках близких ему по душе и, как патриот и отец, страдал о положении нашем. Невзирая на опасность знакомства с гонимыми, он явно и тайно старался быть полезным».

Особый интерес вызывает тот факт, что в одном из своих произведений — незаконченной трагедии «Радамист и Зенобия», Грибоедов связывает идеи декабризма с грузинской исторической темой.

Сюжет этой трагедии таков. Представители высшего сословия устраивают заговор против царской тирании. Заговор раскрыт. Действие происходит в Грузии и Армении в первом веке нашей эры. Судя по дневникам поэта, можно сделать вывод, что при создании этой трагедии он пользовался «Анналами» Тацита. По мнению Грибоедова, заговор терпит поражение потому, что его вожди были оторваны от народа. Очевидно, что Грибоедов задумал свою трагедию после поражения декабристов. И хотя он выступил в защиту идей декабризма, своим трезвым взором видел, что его руководители не были связаны с народными массами.

Александр Грибоедов еще больше сблизился с грузинским обществом после того, как женился на Нине Чавчавадзе, дочери выдающегося поэта Александра Чавчавадзе. Нина Чавчавадзе была источником вдохновения не только для Грибоедова. Ею были увлечены грузинские поэты. Григорий Орбелиани в одном из писем к Тасо Оглобжио вспоминает о предмете своего первого увлечения. Поэт восхваляет Манану Орбелиани, Нину Грибоедову и других и заключает с грустью: «Кто же теперь вместо них, моя Тасо? Темнее в Грузии». Григорий Орбелиани посвятил Нине Чавчавадзе восторженные стихотворения.

Дом Нины Чавчавадзе так же, как и дом Мананы Орбелиани — этой грузинской мадам Рекамье, представлял собой блестящий салон, где собирались передовые люди тогдашней Грузии. Здесь часто бывали и иностранцы, посещавшие Грузию, здесь читались стихотворения на грузинском и русском языках.

Николоз Бараташвили в одном из своих стихотворений, посвященном сестре Нины Чавчавадзе — Екатерине, вспоминает ее как исполнительницу стихотворения известного декабриста поэта Одоевского, переведенного на грузинский язык Александром Чавчавадзе.

Очевидно, в этом салоне был пленен награжденный глубоким музыкальным талантом Грибоедов той грузинской песней, тему которой он передал Глинке в 1828 году и на которую написал замечательное стихотворение Пушкин.

Весьма возможно, что грузинская мыслящая интеллигенция именно в этом салоне познакомилась впервые с Грибоедовым и его бессмертной комедией.

В заключение нельзя хотя бы коротко не отметить заметное влияние драматургии Грибоедова на грузинскую литературу. Особенно большое влияние его произведений испытал первый грузинский комедиограф Георгий Эристави. Архитектоника пьес Эристави име-

Имение Чавчавадзе в Циндандали

ет много общего с комедией Грибоедова. Образ героини пьесы «Помешанная» Тасо создан под влиянием Чацкого. Так же, как и Чацкий, Тасо — человек новых идей и чувств. Именно за это общество объявляет ее сумасшедшей. Жизнь обоих героев из-за столкновения со старым обществом заканчивается трагически. Следует отметить, что в пьесе Георгия Эристави «Спор» упомянут герой Грибоедова.

Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Бестужев-Марлинский, Лев Толстой, Горький, Маяковский органически связаны с Грузией. Грузия вдохновляла этих великих художников. Могила Грибоедова, находящаяся в пантеоне на Мтацминде, рядом с могилами грузинских поэтов, символизирует взаимную любовь классиков русской и грузинской литературы.

Анна НИКОЛАДЗЕ
Из книги «Русско-грузинские
литературные связи»

Кнут Гамсун

«В СКАЗОЧНОЙ СТРАНЕ, ПЕРЕЖИТОЕ И ПЕРЕДУМАННОЕ НА КАВКАЗЕ»

Под таким заглавием опубликовал свои путевые заметки знаменитый норвежский писатель Кнут Гамсун (1859-1952). Он прошел трудный жизненный путь, испытал нужду и голод. В молодости в поисках заработка он долгие годы скитался, перепробовал разные профессии. Первые попытки литературной деятельности не имели успеха. Только в 90-х годах его книги «Голод», «Мистерии», «Пан», «Виктория» сразу привлекли к нему внимание читателей как в Норвегии, так и далеко за ее пределами.

В грузинской прессе имя Гамсуна появляется уже на рубеже веков. В 1900 году в газете «Иверия» были напечатаны его два маленьких рассказа. В той же газете еще в 1893 году была помещена статья Гамсуна о норвежской литературе. Его произведения читали в русских переводах, а в 1913 году появился на грузинском языке в переводе И.Агладзе его знаменитый роман «Виктория». В библиотеке Иосифа Гришашвили сохранился один экземпляр этого издания. Сделанные на его страницах пометки и приписки показывают, с каким вниманием и интересом читал Гришашвили это произведение Гамсуна. Большим поклонником Гамсуна был Константин Гамсахурдиа, написавший о нем

специальное эссе. Он восхищается умением норвежца показать всю сложность, глубину и противоречивость внутреннего мира своих героев: Гамсун подлинный художник, рассказывающий тончайшие переживания человеческой души, ее радужные надежды и скорбные разочарования.

В 1899 году уже будучи известным писателем Гамсун совершил путешествие на Кавказ, которое подробно описал в специальной книге. Грузия произвела на норвежского писателя сильное впечатление и по возвращении на родину он написал пьесу «Царица Тамара». Известие о появлении этого произведения сильно взволновало грузинскую прессу. В 1903-1904 годах в газетах «Иверия» и «Цнобис пурцели» печатаются сообщения о появлении этой пьесы, а затем ее немецком переводе, который вскоре будет доставлен в Грузию. Наконец, в 1904 году в двух номерах «Цнобис пурцели» были помещены две большие статьи, в одной из которых подробно излагается содержание пьесы, а в другой - дается ее анализ. Автором этих публикаций был Филипп Гогичаишвили, известный экономист, который учился в Лейпциге и хорошо знал немецкий язык. В оценке, которую он дает пьесе, чувствуется разочарование: указываются допущенные ошибки и отступления от исторической правды. «Пьеса Гамсуна довольно слабое произведение»; «Гамсун очень поверхностно знаком с нашим прошлым», - пишет автор. По его мнению, лучше других героев представлена сама царица, полная доброты, душевной мягкости и глубоко преданная христианской вере.

Критические замечания Гогичаишвили вполне справедливы, но дело в том, что эту пьесу вообще нельзя рассматривать с точки зрения исторической точности, ибо для Гамсуна главное - раскрыть внутренний мир героев. Известный литератор Акакий Гацерелия характеризует это произведение как «своеобразную стилизацию на историческую тему»; в то же время он считает пьесу «значительным явлением, показателем интереса к Грузии великого норвежского писателя». В 1904 году «Царица Тамара» была поставлена в Кристиании (Осло) и имела успех. В 1907 году русский перевод пьесы был представлен на сцене в Петербурге, затем в Москве, а в 1908 году в Тифлисе. Грузинский перевод произведения, сделанный Акакием Геловани, был опубликован в 1991 году.

Непосредственные впечатления Гамсуна о Грузии отразились в описании совершенного им путешествия: через Финляндию приехав в Петербург, он по железной дороге отправился в Москву, а оттуда во Владикавказ; далее он продолжил путь по Военно-Грузинской дороге, побывав в Тифлисе, Батуми и Баку. Это путешествие он описал в книге под названием «В сказочной стране, пережитое и передуманное на Кавказе». По своей композиции и форме изложения - это путевые заметки. В них дается последовательное описание всего сделанного автором пути, полное интересными деталями и наблюдениями. В то же время книга написана так живо и ярко, что воспринимается как образец художественной прозы. В ней встречаются прекрасные картины природы, автор вдохновенно передает свои впечатления от переезда через Кавказский хребет, восторгается красотой природы Западной Грузии. Повествование оживает жанровыми сценами: экипаж, в котором едет писатель, наталкивается на стадо овец, сопровождаемое пастухами и собаками; во время одной из остановок по Военно-Грузинской дороге он посещает горное селение и попадает в дом пастуха, где ему предлагают купить медвежонка. Красочно

описывается, как автор покупал ковер на тифлисском базаре. Кратко, но колоритно представлены образы людей, встретившихся автору во время путешествия: это и флегматичный англичанин, и суматошный, ворчливый кучер, и швейцар тифлисской гостиницы; в книге есть даже эпизод детективного характера, связанный с жуликом, который шантажировал писателя во время его переезда по Военно-Грузинской дороге. Наконец, во всем повествовании ярко выступает образ самого автора, через восприятие которого передано все представленное в книге. Не случайно в ней сделан подзаголовок: «пережитое и передуманное на Кавказе».

Этот подзаголовок очень верно определяет особенности произведения, в котором непосредственные наблюдения соседствуют с мыслями автора о том, что он раньше видел или читал. Иногда это лишь краткие упоминания, в других местах же встречаются интересные сравнения и рассуждения автора. С Кавказом связаны для Гамсуна и древние мифы, и разные культуры прошлых времен. Кавказ – это «колыбель человечества, здесь Прометей был прикован к скале, там, по ту сторону гор, в Баку, горит вечный огонь». И, конечно, попав в Баку, писатель отправляется в тогда уже заброшенный храм огнепоклонников и посвящает несколько страниц мыслям о Зороастре и судьбе его последователей.

Гамсун, несомненно, читал связанные с Кавказом произведения русских авторов, ибо подъезжая к столице Грузии, он восклицает: «Итак, вот Тифлис, город, о котором так много писали русские поэты и где происходит действие многих русских романов». К русской поэзии обращаются мысли автора, когда он восторгается красотой природы на Военно-Грузинской дороге: «Кавказ, Кавказ! Не напрасно черпали из твоих источников величайшие гиганты поэзии, каких только знает мир, великие русские поэты».

Находясь в Тифлисе, Гамсун вспоминает побывавших здесь русских писателей и называет Пушкина, Лермонтова, Толстого. В связи с Грузией он касается и Грибоедова, «написавшего ту сатиру на общество, которая сделала его бессмертным в России». И далее: «Грибоедов женился в Тифлисе на одной княжне, которой было 16 лет. Он был посланником в Персии, где был убит чернью тридцати пяти лет от роду». Фамилию княжны Нины Чавчавадзе Гамсун не называет, но пишет, что она отказывала всем женихам и «воздвигла своему мужу прекрасный памятник близ монастыря Святого Давида. На памятнике надпись, говорящая о его незабвенности».

Следующие за этим рассуждения Гамсуна о русских писателях показывают, что он был хорошо знаком с их творчеством. Тургеневу он отводит особое место и пишет: «Он был европеец, по крайней мере, настолько же француз, как и русский». Толстой как философ и моралист ему не нравится, но он с восторгом отзывается о нем как о художнике. Наибольшее внимание Гамсун уделяет Достоевскому: «Никто не разобрал подробнее сложных явлений человеческой души, – пишет он, – его психологическое чутье отличается каким-то ясновидением. Для определения его величины не хватает нам меры, он стоит особняком».

Гамсун читал не только связанные с Кавказом лите-

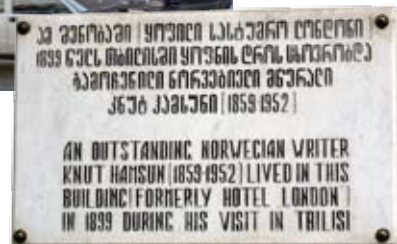
ратурные произведения, но и научные труды о Кавказе. Он готовился к своему путешествию и прямо указывает, что перед отъездом «в течение некоторого времени перечитал много книг о Кавказе». Но он, конечно, не смог хорошо разобраться в особенностях живущих там народов. Отсюда и ошибки в книге Гамсуна, на которые указывают писавшие об этом произведении грузинские исследователи. К сожалению, Гамсун путешествовал инкогнито и, находясь в Грузии, не встречался ни с кем из эрудированных людей, которые могли дать ему правильные сведения о прошлом и о современной жизни страны. Поэтому памятники грузинской древности не получили в книге соответствующего отражения. Во Мцхета Гамсун не заезжал и лишь упоминает о его древнем соборе. Он знает о деятельности царицы Тамар по распространению христианства и отмечает, что «на Кавказе разбросаны повсюду развалины церквей времен царицы Тамары».

Книга Гамсуна особенно привлекательна тем, что в ней чувствуется живой интерес автора ко всему, что он видел в пути. В восторженных словах он передает свои впечатления от Западной Грузии, которую он пересекает направляясь в Батуми: «Мы едем по одной из роскошнейших местностей Кавказа. Растительность так богата, как нигде не видывал. Леса кажутся непроходимыми, они все обвиты вьющимися растениями. Мы смотрим из окна на несравненную, богом благословенную страну; она так богата и прекрасна, и нам суждено было увидеть ее».

В путевых записках отразились характерные для творчества Гамсуна черты – чувство природы и связь человека с окружающим его первозданным миром.

Гостиница «Лондон»

Так, выехав из Пасанаури, автор с интересом рассматривает построенные на склоне гор дома и предаётся мыслям о том, как прекрасна жизнь вдали от всего, на лоне природы: «Это знаю я еще со времен моего детства, когда я дома пас овец», – пишет он и затем уходит в воспоминания о своей пастушеской жизни.

Впечатления Гамсуна от путешествия прекрасно подытоживаются в последних словах книги: «Скоро мы покинем эту страну, но я всегда буду тосковать по ней, не даром я пил воду из Куры».

Интересные наблюдения и высказывания, глубокое чувство природы, преклонение перед красотой мира, теплота и искренность, которые чувствуются в книге, делают ее привлекательной и для современного читателя.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

Журналисты канала «Культура» в Багдади

ПОДАРОК СУДЬБЫ

К нам приехали гости из Москвы - молодые журналисты телеканала «Культура» впервые попали в Грузию. Очень хотелось показать им самое лучшее, все чем знаменита наша Имеретия. Храм Баграта, Гелати, ванские раскопки, дом-музей Маяковского, первая школа-гимназия, где учился поэт, вечером, как подарок судьбы, встреча с писателем Отиа Иоселиани. «А кто это?» – спросила молодая журналистка, уставшая от насыщенной событиями программы и не очень желающая еще одного путешествия. В воздухе повисла пауза: «Как, вы не знаете живого классика грузинской литературы, популярнейшего писателя бывшего Союза?!» – раздался голос Георгия Томаша, председателя правления Международного союза русского общества «Соотечественники». Похоже, не знали и не слышали. Стало обидно, кое-что уже кануло в прошлое и жаль что это лучшее в грузинской действительности, а казалось бы, прошло не так уж много времени. Я настояла на поездке, заметив, что потом еще будут благодарить за эту встречу.

Наша машина двинулась по живописной дороге в сторону города-курорта Цхалтубо, не менее знаме-

нитого, в свое время, чем сам Отиа Иоселиани. Первые возгласы удивления раздались, когда мы вошли во двор усадьбы. Кто побывал здесь гостем, знает, как неповторимая красота этого места заботливо охраняется хозяином. Писатель все делает своими руками. Талантливый человек во всем талантлив. Подходим к дому, слышу как щелкает фотоаппарат, работает телекамера, ага, проняло! Дом – творение рук хозяина по его чертежам и при его личном участии. Это не просто место, где живут, это место, где создавались любимые нами книги: роман «Звездопад», рассказ «По дороге с мельницы», сказка «Про малыша охотника Бачо», «Сванские новеллы», «Черная и голубая река».

А еще это музей с великолепными экспонатами; много истории, прошлого, немного экзотики, а в целом, как в сказке – необычно, интересно, увлекательно.

Отиа Иоселиани занимается животноводством, садоводством, виноградарством, он хороший хозяин на своей земле. Может, именно поэтому его произведения мудры и доступны, а философия жизни одинаково интересна как взрослым, так и детям.

Впервые мы встретились, когда я была руководителем детского творческого объединения и вместе с Георгием Томашем, проводила игру, сходную с передачей «Умники и умницы». На игре присутствовали руководители города, председателем жюри был Отиа Иоселиани. Участников игры мы хорошо подготовили, дали кое-что подучить, вопросы были из школьной программы по истории, географии, языку и

литературе, победителей ждали призы, подарки, книги. Дети играли с удовольствием, проявляя хорошие знания и подготовку. К концу игры Отиа подошел ко мне и не скрывая удивления спросил, где я нашла таких вундеркиндов, сказав, что он не смог бы ответить и на половину этих вопросов.

Глаза его светились, лицо сияло от радости, даже любимую трубку положил в карман. В финале заявил, что хочет одарить всех, и с присутщим ему юмором предложил разделить все призы поровну на всех играющих. В нем было столько детского, непосредственного, столько доброты, умиления, взрослый человек просто преобразился, стал большим ребенком.

Отиа встретил нас на лестнице, с интересом смотрел на гостей из России, по их реакции понял, что журналисты не знают, к кому попали в этот вечер. Улыбнувшись, обратился ко мне: «Плохо говорю по-русски, извинись за меня». Я удивилась. Отиа хорошо владеет русским языком, но теперь ему казалось это недостаточным, с незнакомыми людьми чувствуешь себя скованно. Напряжение моментально исчезло, как только мы вошли в большой зал. Гости кинулись к шкафам и стеллажам с экспонатами.

Здесь были книги писателя, переведенные на многие языки мира, японские иероглифы сменились родным русским. Отиа широко улыбнулся. Полилась беседа обо всем хорошем, что связывало, помогало жить в сложные времена. Отиа рассказал, как его, молодого и малоизвестного писателя, без особого элитного образования, стали переводить на русский и благодаря этому его стал печатать и читать весь мир. Как можно быть неблагодарным к великому русскому языку, русской культуре. «Царствуют времена, но не цари», цари приходят и уходят, а цивилизации остаются, культуры взаимообогащаются, взаимопроникают и это не остановить. Все что сейчас – время, а оно течет, секунды бегут вперед и всегда к прогрессу, иначе мир погибнет.

В тот вечер мы услышали много интересного, прикоснулись к миру мастера. Он говорил мудро, со свойственной ему философией, расставив все точки над *i*. Гости признались, что в Грузию ехать не хотелось, опасались осложнений, такой теплой встречи просто не ожидали. Это мы знаем какие мы хорошие и гостеприимные, что мы не забыли добро, не забыли времена, когда делили «корку, и ту пополам», когда жили одной верой, надеждой и любовью, а они, молодые, об этом только слышали, вот и глядят с опаской, как бы чего не вышло.

Дорогие мои, мы вас все так же любим, тех, кто эту любовь понимает и принимает, ценит и умеет возвращать. А семья не без уroda, как учит народная мудрость. Среди людей творческих, людей культуры, искусства, науки и просвещения уроды бывают очень редко. Вот о чем мы говорили. Беседа сменилась тостами и уже давно прошла усталость от прожитого дня, время было позднее, а мы все говорили на прекрасном русском языке, слушали и понимали друг друга с полуслова, «новые и старые» представители двух народов.

Далеко за полночь покидали мы гостеприимный дом Отиа Иоселиани. С уверенностью могу сказать, теперь молодые москвичи не забудут, прочтут подаренные им книги, расскажут о Грузии в своих программах, за дружеским столом, поспорят с теми, кто попытается доказывать обратное, и будут мечтать о том, как снова оказаться в этом благодатном крае Грузии - Имеретии.

Прошло несколько дней. Звонок. Номер незнакомый, голос женский.

«Лия, дорогая, я Юлия! Хочу поблагодарить тебя за встречу с Отией Иоселиани. Роберт Стураа сказал, что это подарок судьбы пообщаться с писателем такого ранга. Побывать в Имеретии и не встретиться с Отией для журналистов канала «Культура» было бы непростительно, еще раз спасибо вам всем. Ты не представляешь, как трудно покидать Грузию, дружеские лица, море любви, тепла, просто невероятно! Я теперь понимаю, почему однажды побывав в этих краях, так хочется вернуться».

Ляна АРСЕНИДЗЕ

В гостях у Отиа Иоселиани

ВЫСОТА ЧЕМПИОНА

Быстро смеркалось. На стадионе стало почти темно, но прожектора почему-то не включали. Очертания планки на расстоянии едва угадывались. Высоту еще надо было взять...

В тот первый день сентября на римском олимпийском стадионе Foro Италико американцы потерпели поражение в двух престижных финалах легкоатлетического турнира, где они шесть десятилетий удерживали мировое лидерство. Сначала Армин Хари из объединенной немецкой команды подтвердил свою репутацию рекордсмена мира в беге на сто метров, а потом в секторе для прыжков в высоту развернулись события, в которых фавориты оказались в роли догоняющих.

И это чудо сумел сотворить Роберт Шавлакадзе.

До 1959 года он в течение пяти лет входил в число сильнейших прыгунов-высотников и в сборную страны. В силу своего характера слишком спокойно относился к ходу борьбы в любых, самых ответственных соревнованиях. Приходилось выслушивать от друзей: «Тебе, Роберт, злости не хватает». В 1959 году Шавлакадзе второй на Спартакиаде народов СССР, уступив победу Кашкарову по попыткам. В Филадельфии победил на матче гигантов СССР-США, опередив олимпийского чемпиона Мельбуерна, экс-рекордсмена мира Чарльза Дюмаса, Вильямса и Кашкарова, но многие посчитали – повезло! Очень это его задело. И он решил доказать,

что та победа была не случайной. Не где-нибудь - на Олимпийских играх-60.

Американцы были уверены – золотая медаль достанется их соотечественнику Джону Томасу. В начале лета этот гигант ростом 198 сантиметров установил потрясающий рекорд мира – 222 сантиметра. Советские спортсмены, готовясь к Олимпиаде, мысленно возвращались к этим магическим цифрам, но старший тренер сборной Владимир Михайлович Дьячков, экс-рекордсмен Грузии, убедил сборников, что Томас не сумеет продержаться более двух месяцев на пике формы, а они как раз к римским Играм войдут в свою лучшую форму.

Как он оказался прав! Томас приехал на Олимпиаду, твердо веря в свою победу. Передавали его заявление: «Если не выиграю, то пробегу по всем лестницам «Эмпайр Стейт Билдинг». Роберт не очень верил в эту браваду. Подумалось, придумали за него журналисты.

Мощный, стройный американский атлет в Риме пользовался повышенным вниманием представителей

лашь небольшой. Смотрит, Томас с 2 метров начинает. Думает, а чем он хуже? Заявляет начальную высоту – 2 метра, спокойно берет ее.

В финале соревновались 17 прыгунов, в том числе трое из советской сборной. Валерий Брумель в олимпийском году имел результат 2,17. Виктор Большов уже прыгал на 2,15. Казалось, куда Шавлакадзе с ними спорить со своими 2,13 м. Высоту 2,09 с первой попытки одолели трое – Шавлакадзе, Большов и Томас. У Брумеля неожиданно начались затруднения – он дважды сбил планку. Следующая высота – олимпийский рекорд Дюмаса – 2,12 – оказалась непреодолимой для самого чемпиона Игр в Мельбурне и шведа Стига Петерссона. Из борьбы выбывают два опаснейших конкурента. Томас склонился над Дюмасом, охватившем руками голову – утешает. Сам он заявляет, что пропускает эту высоту.

Брумель со второй попытки, но взлетает над планкой. Судьи устанавливают ее на 2,14. В секторе остаются четверо – советское трио и Томас. Он прыгает первым и неудачно. Стадион ахнул от неожиданности и умолк: фаворит проигрывает! Не слышно шума даже на трибуне с американскими моряками. К тому времени соревнования в остальных видах программы закончились, и все внимание приковано к их сектору.

И тут происходит любопытный эпизод. Сбив планку, Томас бегом возвращается к месту разбега, на исходное положение, собираясь прыгнуть во второй раз. В это время Шавлакадзе готовился к прыжку. Судьям пришлось уговаривать американца сесть на скамейку и дожидаться своей очереди на вторую попытку. Поведение Томаса добавило Роберту злости, и с первой попытки он берет высоту. Потом Брумель назовет этот прыжок гениальным, потому что динамовец из Тбилиси сумел резко оторваться от соперников. Во-первых, все предыдущие высоты брал с первой попытки. И только он один. Во-вторых, первым перепрыгнул 2,14. А это уже запас психологический. Соперники покорили этот рубеж со второй попытки.

Поставили 2,16. На стадионе стемнело, и только в темном небе горят на электротабло эти цифры. Пять с половиной часов прыгуны соревновались, а полной ясности нет. Опять же с первой попытки Шавлакадзе берет высоту. На четыре сантиметра превышает олимпийский рекорд и на три – личный! После прыжка планка затряслась, а он убежал от нее, оглядываясь, и она замерла наконец. Брумель вспоминал, что вторым гениальным прыжком Шавлакадзе полностью добил Томаса – американец вторично сбил планку. Сам Валерий со второй попытки взял эту высоту, обеспечив себе как минимум серебряную медаль.

Главную задачу советский дуэт уже выполнил – лишил американцев победы, и в первую очередь, Томаса,

Р.Шавлакадзе и В.Брумель

прессы. Они с Робертом подружились, ходили вместе обедать, на танцы, и его, бывало, бесцеремонно отодвигали в сторону. Мол, не мешай, парень, не путайся под ногами, никого ты не интересуешь. Его самолюбие было задето, и он сказал себе: «Ну, подождите, вы обо мне еще узнаете на стадионе!»

Еле дождался начала соревнований. И высота, с которой решил включиться в борьбу, – 195 см показа-

Роберт Шавлакадзе

который на тренировке (их пригласили присутствовать), для нашего устрашения восемь раз взял 2,10. Устанавливая планку, американский тренер объявлял: два пятнадцать! Получалась, что психологическая атака на стадионе «Аквачитоза» обернулась против рекордсмена мира...

Первым Роберта Шавлакадзе со званием олимпийского чемпиона поздравил Брумелль, сказав, что выиграл он совершенно заслуженно, как сильнейший и самый мудрый прыгун.

Позже Валерий понял: в Риме победил опыт. Огромный соревновательный опыт и умная голова Роберта Шавлакадзе помогли ему сохранить силы для финала и предельно мобилизовать их. Но велика сила привычки: наутро газеты поместили множество фотографий Томаса, «проигравшего из-за дурного настроения», и скупое на похвалу сообщение о победе Шавлакадзе, истинного виновника этого настроения. Сам он с улыбкой листал газеты: начали верно писать его фамилию. А вначале с легкой руки работника, сидевшего за пультом электротабла стадиона, отправилась гулять по свету фамилия Шау Каладзе».

Мир узнал о Роберте Шавлакадзе. Американцы, шестьдесят лет подряд удерживавшие лидерство в этом виде спорта, начиная с первых Олимпийских игр 1896 года, вынуждены признать: в лице Шавлакадзе получили опасного соперника, не приученного к проигрышам.

Обращало на себя внимание постоянство чемпиона из Грузии. Он не проиграл ни одного соревнования за свою спортивную карьеру. Даже великому Брумеллю, трижды в 1961-1963 годах признанному лучшим спортсменом года в мире, – ни разу. Случалось, выбывал из борьбы за первое место из-за травмы. Но слабее соперника никогда не был. И поблажек ему никогда не делали. И вот что удивительно: отношение наставников сборной к олимпийскому чемпиону в Риме, как бы это мягко сказать, было прохладным. На сборы приглашали не всегда, на тренировках больше внимания уделяли другим, считая их более перспективными. А он, самый старший в сборной, в совершенстве овладевший техникой прогрессивного и рационального перекидного способа прыжка, охотно раскрывал собственные секреты подготовки.

И он загорелся желанием доказать, что рано его списывать. В олимпийском 1964 году в Киеве, на чемпионате страны, отборочном перед Токио. В захватывающей борьбе, в принципиальном споре с сильнейшими прыгунами–высотниками Брумелем, Скворцовым, Большовым, Кашкаровым золотую медаль завоевал он,

Валерий Брумелль

Шавлакадзе. С результатом – 2,17.

С личным рекордом в 31 год!

На свою вторую Олимпиаду отправился с верой в успех. За месяц до Токио с результатом 2,15 снова по попыткам победил Брумелля на крупном турнире в Москве. Мирового рекордсмена, которого по инерции продолжали считать фаворитом. И не без оснований: Брумелль тем летом установил свой шестой рекорд мира – 2,28 и четырежды штурмовал 2,29. Но прыжки в высоту – вид спорта, где даже великие прыгуны могут оказаться в по-

лосе резкого спада. Опустошенный и раздавленный, так и не наладив ритм разбега, приехал фаворит Брумель в Токио и начал по крупницам собирать волю.

Опасения его оправдались скоро. На утренних квалификационных соревнованиях мировой рекордсмен, по собственным словам, натерпелся такого страха и срама, каких раньше никогда не испытывал. На контрольном нормативе 206 сантиметров. Перепрыгнув два метра, Валерий застрял на 2,03. Идет первый раз – сбивает. Вторая попытка также неудачная. Подходит Шавлакадзе, говорит: «Ты что спятил? Это ведь 2,03». Брумель молчит. «2,03 – повторяет Шавлакадзе. – Понимаешь, 2,03. Ты эту высоту с места взять сможешь». А он молчит. Как-то оступел разумом, чувствами, мышцами, всем... «2,03, – продолжает уговаривать Шавлакадзе. – Соберись! Тебе и прыгать не надо. Подумай только, что всего-навсего 2,03, и перелетишь сам...»

Брумель слушал и еле представлял себе это. Перед своей последней попыткой несколько раз подходил к месту разбега, подолгу смотрел на непокорную планку и отходил. Он вдруг совершенно нехотая вспомнил себя молодым рабочим в общешитии Львовского жиркомбината, в комнате на двенадцать человек; соседи его почти все курили, по ночам резались в карты, не обходилось без спиртных напитков; сам он в коротком осеннем пальтишке, разбитых ботинках и уже вовсю заглядывался на девушек, подойти к которым не решался в подобном жалком обличье.

«Господи, – в смятении думал он, – за что ж так меня судьба на ржавые гвозди бросает? Что я кому сделал? А вдруг так и не возьму сейчас. Да нет, это 2,03. Понимаешь, 2,03. Да, я понял», – сказал он сам себе наконец. Он спокойно побежал вперед и почти без усилия перелетел через планку. На следующей высоте проблем не имел.

Ощущение катастрофы все еще не покидало его, когда он, выходя в невысокую железную калитку из прыжкового сектора, увидел неестественно округленные от пережитого глаза Гавриила Витальевича Коробкова, руководителя легкоатлетической команды. И со всего маху ударился лбом в верхнюю перекладину железной калитки, почти теряя сознание на руках подхватившего его Коробкова и понимая, что проигрывать американцам они просто не имеют права.

На вечерних финальных соревнованиях вроде ничто не обещало неприятностей. Но беда не приходит одна. Разгоряченный интенсивной тренировкой, Шавлакадзе пошел в душевую и неожиданно для себя открыл кран холодной воды и принял холодную ванну. Схватил радикулит, такой жестокий, что не мог разогнуться. Попросил Брумеля взобраться ему на спину, потоптать ее ногами, но боль не отпускала. Судьи не хотели допускать его к финалу.

В таком состоянии Шавлакадзе нашел силы и остался среди основных соискателей золотой медали, выжал из себя все что мог и закончил соревнование на пятом месте с результатом 2,14. И прикрывал «тылы» Брумеля. Ходил за ним по сектору, как тень, «накачивая» на третью попытку на высоте, которая самому покорила...

«Ты и только ты должен выиграть эту Олимпиаду... Соберись!» И это к нему поспешил Брумель, взяв с первой попытки 2,18. Как в лучшие времена.

Потом оба следили за Томасом, который ушел на футбольное поле и бродил там, настраиваясь на послед-

ний прыжок. И уже Роберт первым поздравляет своего друга, счастливого от того, что сумел сделать почти невозможное – в своей наихудшей спортивной форме добился самого почетного для каждого спортсмена звания олимпийского чемпиона.

Трудно найти другой пример отношения великого спортсмена к главному своему сопернику, так не похожее на «инстинкт убийцы» во имя победы. В свете этого выступление Шавлакадзе в Токио стоит вровень с его

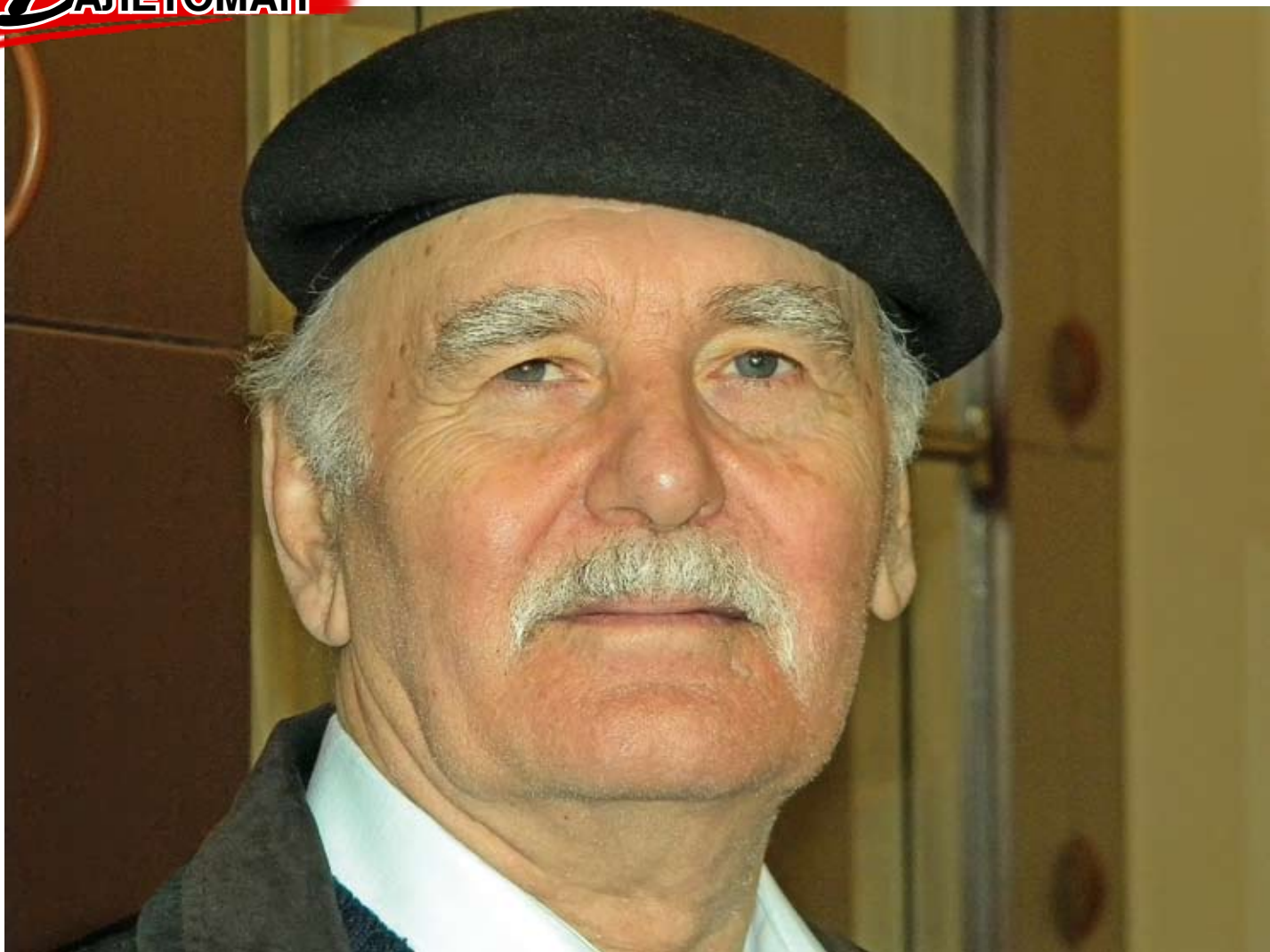
римским высшим достижением.

И вспоминаются брумелевские слова: «Шавлакадзе был великий боец. Великий потому, что всегда готов был протянуть руку помощи. Я учился этому у него».

Полвека отделяют нас от римского триумфа 27-летнего Роберта Шавлакадзе. Вспомним, как пришла к нему эта победа. 213,5 сантиметра, по-американски 7 футов, по тем временам считался показателем высшей спортивной доблести. Кто возьмет их, тот в США считался великим прыгуном в высоту. У самих американцев за всю историю легкой атлетики таких прыгунов тогда было двое – Чарльз Дюмас и Джон Томас. Успехи спортивной науки, появление новых выдающихся атлетов привели к качественному скачку результатов. Но не померкла с годами слава первого советского олимпийского чемпиона в прыжках в высоту, заслуженного мастера спорта, члена исполкома НОК Грузии, почетного президента Федерации легкой атлетики, почетного профессора Грузинского аграрного университета, кавалера высших орденов страны.

Великий боец, который, следуя толстовской сентенции, выигрывал сражения, твердо решив победить, и учил этому других, кому по характеру покорение высоты.

Арсен ЕРЕМЯН

ДОН КИХОТ ИЗ БОЛНИСИ

«Роман Новак? Конечно, знаю! Это же Дон Кихот!» - слышала я не раз, когда речь заходила о моем новом знакомом, «грузинском чехе». В роли Дон Кихота из одноименного балета Людвиг Минкуса Роман Новак за сорок лет служения Талии выходил... 2400 раз! И полюбился не одному поколению балетоманов. Недавно Роман Новак, проживающий в настоящее время в Чехии, побывал на родине – в Грузии. И погрузился в воспоминания о прошлом, своих корнях.

«ВЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, КАК ЗДЕСЬ ХОРОШО!»

- В Чехии издавна существовала традиция: если в семье было много детей, то наследство передавалось одному – не делилось. А все остальные покидали отчий дом, уходили из деревни в город, осваивали какие-то специальности. Мой прадед стал шорником, и

в 1818 году переехал в Одессу, там открыл свое дело, разбогател, у него родился сын - мой дед. В 1912 году дед приехал в Грузию по линии знаменитых мальцевских заводов, открыл в Тифлисе на Михайловском проспекте, позднее, проспекте Плеханова, магазин, откуда продукция из хрусталя поступала даже в Персию, другие близлежащие страны. Деду в Тифлисе очень понравилось, он даже написал своим родным: «Вы не представляете, как здесь хорошо, даже очень хорошо! Здесь много иностранцев, интеллигенции. Город красивый, он больше Одессы, и даже поспорит с Варшавой». Мои родители были из разных сословий, так что если бы не Октябрьская революция, их судьбы не переплелись бы. В Чехии я нашел свои корни, уходящие в глубокую древность – результат многолетне-го копания в архивах.

Трагически сложилась судьба деда - в 1937-м его репрессировали в возрасте 54 лет. Его арестовали и сразу после революции, но вскоре выпустили, тогда он перебрался в бывшую немецкую колонию Люксембург - теперь Болниси, работал там бухгалтером, женился во второй раз на немке. Так что первые годы я жил в немецкой колонии, говорил по-немецки и по-русски... Кстати, подписываю свои картины псевдонимом: Роман Новак-Болнисели.

ОТ ЗВЕЗД - НА ЗЕМЛЮ

Роман Новак, будущий артист балета, закончил Тбилисский институт инженеров железнодорожного транспорта (позднее – ГПИ), но никогда по специальности не работал. Это была чистая формальность, с техникой у него отношения так и не сложились.

- После школы, которую я окончил с золотой медалью, мне хотелось стать астрономом. Меня влекло небо, пространство Космоса. Я уходил в астрал так глубоко и далеко, что иногда мне становилось просто не по себе, и я стремился вернуться снова в эту жизнь. Георгий Александрович Корсавели, наш замечательный директор школы, однажды спросил, куда я собираюсь поступать. Я ответил: «В астрономический!», а он расхохотался: ему показалось, что я сказал: «Гастрономический!» Но я тогда подумал, что не смогу уехать один в другой город, чтобы осуществить свою мечту стать астрономом. Пошел было на специальность «мосты и тоннели», но в итоге оказался на факультете «электрический транспорт» – из-за желания играть в волейбольной команде этого факультета.

БАЛЕТ - ИСКУССТВО МОЛОДЫХ

В балет Роман Новак пришел довольно поздно – в 22 года. Учился в экспериментальном классе хореографического училища у Сологова и Ивашкина. А до этого танцевал в школьном кружке, в вузе и даже с успехом выступал на республиканских конкурсах.

- До училища я много занимался у педагогов – классикой в том числе. Мне преподавали Венис, Бушинская, Сологашвили. В юности меня привлекало многое - драматические кружки, конферанс, хоровое пение. Я играл в школьном струнном оркестре на мандолине, и мы даже заняли первое место на республиканском конкурсе. Очень жалею, что не имею настоящего музыкального образования.

Меня всегда влекла сцена. Если бы не балет, я был бы в драме. Меня, между прочим, приглашали в театр имени Грибоедова. Наверняка в драме я добился бы большего, чем в балете. Принимал участие в больших спектаклях на любительской сцене - таких, как «Ревизор», «Живой труп», «Машенька». Но при этом процесс репетиции казался мне статичным, а мне хотелось активнее двигаться, разойтись, прыгать, бегать! И когда стал вопрос выбора между балетом и драмой, я выбрал балет. А вообще балет – искусство молодых. Когда тебе до 30, в тебе кипит кровь, и ты во время репетиции продолжаешь что-то пробовать даже тогда, когда не должен этого делать. За это нас даже выгоняли из класса. Вот что такое молодость!

- Вы и сейчас молодо выглядите.

- Это закалка такая. Наверное, потому, что разными вещами занимался. К примеру, если вы охотник, надо и грибы собирать, и рыбачить... Разносторонние занятия держат человека в форме. Чем больше увлечений, тем лучше. Устанешь физически, возьмешь в руки кисть, и при этом отдыхаешь. Но и живопись очень перегружает человека. Забываешь во время работы все на свете, замерзнешь, околечнеешь и только потом сообразишь, что тебе холодно... Из всего многообразия своих занятий я оставил сегодня самые любимые для себя – живопись и рыбалку. Была бы и охота, но убивать жалко. В Праге есть традиция ловить рыбу ради спортивного интереса. Поймать, по-

целовать, погладить и выпустить ее в воду. А самое главное, на рыбалке публика хорошая собирается – в основном интеллигенция. Происходят интересные знакомства, ведутся занимательные беседы. Я рассказываю им о Грузии...

- То есть вы за здоровый образ жизни?

- В здоровом теле и дух, как известно, здоровый. Добиться этого очень просто. Нужен настрой, увлеченность разными вещами. Нельзя замыкаться на чем-то одном.

«ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ» ПО ЧАБУКИАНИ»

Живопись, ретушь, строительство, рыболовство, садоводство – чем только ни занимался Роман Но-

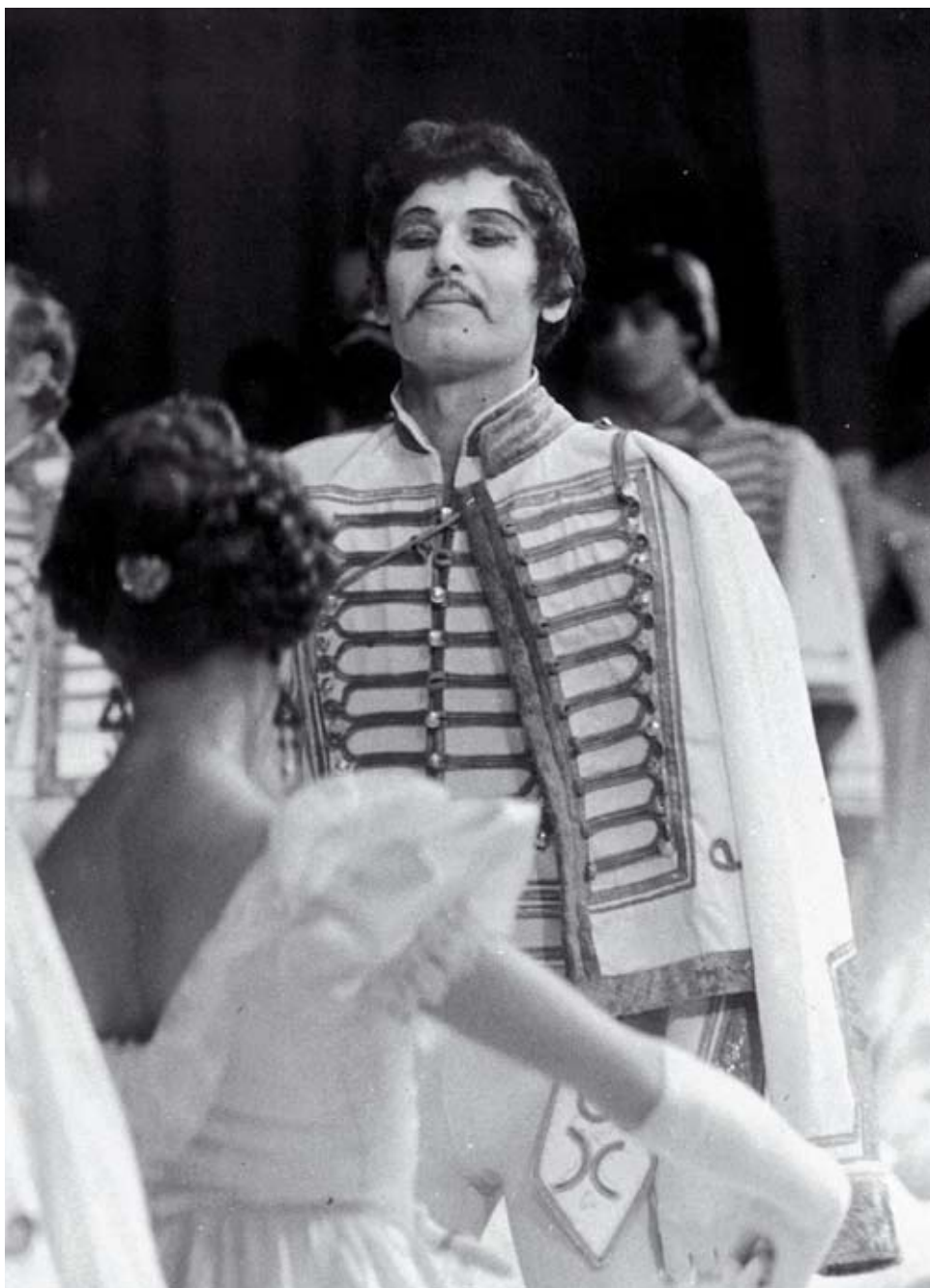

Офицер. «Музыка для живых»

вак! Он брался за все, что его интересовало, и старался увлечь своих близких и друзей.

- Для здоровья так намного лучше – увлекаться многим. А для карьеры нужно упорно идти к одной цели. По-моему, нужно быть большим эгоистом, чтобы добиться настоящего успеха. Чем эгоистичнее натура, тем значительнее достижения – я в этом уверен! К тому же и в балете, и в других сферах искусства

царит соперничество. Кое-кто старается утопить соседа, чтобы на его фоне быть выше. Но я так никогда не поступал. Я был рад всему, для меня сцена была превыше всего. Вышел на подмостки – весь свет забыт! На тебя смотрит тысяча глаз, и ты отдаешь зрителям всего себя. Не имеет значения, во что ты одет, – в шкуру обезьяны или камзол принца. Мне было легко и радостно в театре, потому что я получал удовольствие от всего, что делал. Хотя были и мечты, которые так и не сбылись. Мечтал танцевать в «Вальпургиевой ночи» из оперы «Фауст» Гуно – балет поставил Вахтанг Чабукиани. Замечательная музыка, потрясающая хореография! И я очень хотел попасть в четверку танцовщиков. Не удалось... потому что «Вальпургиева ночь» вскоре сняли. А в ней блистали многие – Нодар Абуладзе, Васико Абашидзе... Я собираю материал для масштабного полотна «Вальпургиева ночь» по Чабукиани». Буду писать ее до конца моих дней... В моей памяти сохранились такие сценки! Но нужен материал, ведь я хочу вписать в мою будущую картину всех участников этого балета. Чабукиани – явление, самородок в балете. В нем сочеталось все – это был большой артист, мощнейший танцовщик. Имел Богом созданное для балета тело – маленькая голова, маленькая кисть, маленькая стопа, красивая форма ног. Когда он стоял на сцене, то казался гигантом – благодаря пропорциональному сложению. А главное – фантастическая пластика. Чабукиани мог бы и за балерину станцевать так, как сама балерина бы не станцевала. К тому же он был великий балетмейстер. В последнее время о Чабукиани говорят меньше, чем он того заслуживает. А о нем должны говорить, должны ставить ему памятники! Ведь он создатель грузинского классического балета. Помню, как Вахтанга Чабукиани буквально на руках носили после спектакля, конная милиция стояла в несколько рядов, невозможно было подойти ко входу. Я танцевал в его балетах «Горда», «Отелло». В «Синатле» нас было четверо чертей – Чабукиани, Зураб Кикалеишвили, Васико Абашидзе и я. А с какими балеринами мне посчастливилось работать – Женя Геловани, Вера Цигнадзе! С Цигнадзе я танцевал в «Баядерке» – играл Брамина. А в «Жизели» – лесничего Ганса...

Гусар из «Евгения Онегина»

СРЕДИ «ЗВЕЗД АМЕРИКАНСКОГО БАЛЕТА»

- В 1960 году в Тбилиси приехала труппа «Звезд Американского балета». Я тогда заканчивал училище. Американцы начали свои выступления, и тут пошла эпидемия гриппа. Многие артисты-гастролеры заболели, и американцы попросили у Чабукиани хотя бы

пять-шесть человек из наших – мужчин в их труппе катастрофически не хватало. Да и труппа театра Палиашвили была в отпуске. И вот Вахтанг Михайлович вместе с американцами – руководителями «Звезд» Лючией Чейз и Оливером Смитом – пришли в наш класс и отобрали пять-шесть человек. В том числе меня. Выдали нам пропуска. Конечно, нас выслеживало КГБ, следило за каждым нашим шагом. А мы репетировали, стали выступать вместе. Вот это было огромное впечатление – впечатление на всю жизнь! Как-то встречаю одного своего товарища на улице, а он мне говорит: «Рома, там у них один парень – ну, копия ты!» – «Да, – сказал я. – Бывает и такое!» Мне было в американской труппе очень комфортно, я как-то хорошо вписался в нее. Танцевал в балетах «Матросы на берегу», «Синяя Борода», «Хрустальный дворец». И что самое обидное – ни одной фотографии не

сохранилось. Потом «Американские звезды» уехали в Москву и прислали нам оттуда большие альбомы, в которых расписались с добрыми пожеланиями нашим ребятам.

- В чем же была особенность их хореографии?

- Открылся занавес - сразу перехватило дыхание. Так оригинально, тонко придумано освещение – настоящие художники по свету работали. А у нас были просто осветители, и балетмейстер сам устанавливал свет. Настоящий же художник по свету умеет построить картину, от которой дух захватывает. При этом все артисты – хоть передняя, хоть задняя линия – танцевали с полной отдачей, с настроением, куражом, получали огромное удовольствие от танца. Хуже всего, когда человек в балете работает. Слово «работа» не должно произноситься в театре вообще... Я был в театре до 1998 года, еще танцевал в «Кето и Котэ» кинтаури и багдадури – до отъезда в Прагу. Тогда мне было 63 года. Сегодня я уже не так увлечен хореографией. Раньше танцы – это были танцы! А теперь больше переплетения тел, катания по полу... а вот собственно танца все меньше и меньше. Все тяжело, чересчур нагружено... нет сюжета. Хотя любое зрелище – это, прежде всего, зрелище для зрителя. А он ждет какую-то интригу. Я смотрю балет не головой и глазами, а сердцем. Люблю Баланчина. Его балеты – это музыка, выраженная в движении. Можно закрыть уши и по балетным па воспроизводить то, что играет оркестр. У многих современных хореографов тоже есть интересные находки, но мне все реже и реже

С Л.Надарейшвили и Д.Мелкадзе

что-то нравится. Я не сторонник современного балета. Да и в живописи предпочитаю старую школу.

ЗА ВКЛАД В ... ОПЕРНОЕ ИСКУССТВО

- Интересно, что мне присвоили звание заслуженного артиста, но не за достижения в балете, а за вклад в оперное искусство. Однажды мне довелось выступить в опере «Музыка для живых» на музыку Гии Канчели в постановке Роберта Стура. Я играл роль офицера, которая несла определенную идейную нагрузку – это злой гений, который убивает музыкан-

тов. Идея была такая – музыка бессмертна, ее не уничтожишь. В спектакле была занята и Мака Махарадзе в роли Женщины с крестом, которая потом превращалась в ангела. А вот меня уничтожили, от моего офицера на сцене осталась только одежда – красные перчатки, шляпа, шинель с орденами. После премьеры был ажиотаж. В спектакле принимали участие такие замечательные артисты, как Паата Бурчуладзе, Зураб Анджапаридзе. Когда я однажды уходил после спектакля, то увидел Стура, Канчели и Джансуга Кахидзе. Они тепло поблагодарили меня: «Мы вам очень признательны за сотрудничество». – «Да за что же? Это моя работа!» – возразил я. «И, тем не менее, если от нас что-то будет зависеть, мы для вас обязательно что-нибудь сделаем!» И сделали – мне присвоили звание заслуженного артиста за вклад в оперное искусство... Я не гонялся за званиями. Что касается оперы... Однажды со сцены я что-то читал - попросили. И концертмейстер мне сказала потом, что у меня летящий голос, что я должен попробовать петь. Но я отказался... А вообще, если мечтаешь о чем-то необычайно высоком и большом, то нужно посвятить этому всю свою жизнь. Интересы мои поначалу постоянно менялись и только позднее стали постоянными. Даже сейчас удивляюсь, как я успевал все это делать. А ведь еще спорт был – волейбол!

- Это интерес к жизни во всех ее проявлениях?

- Да, позднее все это может пригодиться. Имея такой опыт, обязательно используешь его в изобразительном искусстве. Если бы я был писателем, жизненные впечатления, знания тоже очень помогли бы. Я со всеми всегда находил общий язык: встретится пчеловод или садовод – буду говорить с ними на их языке, причем могу уйти в эту область очень глубоко. Встречу спортсмена – могу и о спорте поговорить. Это очень важно, ведь я не ограничен на чем-то одном. Хотя нужно быть гением, чтобы достигать вершин в каждой области.

УЧЕНИКИ ЧАБУКИАНИ

С балетом связаны и близкие Новака. Жена – в прошлом балерина Людмила Новакова. Младший сын Станислав – танцовщик, работал в Братиславе, Праге, теперь – в Германии. Он один из последних учеников Чабукиани.

- Я тоже считаю себя учеником Чабукиани. Помню, как создавались его балеты – Вахтанг Михайлович создавал их у нас на глазах... Встанет, покажет – и у нас глаза на лоб вылезали от восторга.

ЧЕХИЯ – ГРУЗИЯ

Сегодня Чехия – новый дом Романа Новака. Здесь его многочисленные родственники, с которыми он часто общается, здесь Романа окружили вниманием и заботой, обеспечили квартирой, хорошей пенсией, разнообразными льготами. И сама чешская атмосфера, ее природа очень понравились Новаку. А вот Тбилиси ему показался сегодня другим – не таким, каким он его оставил десять лет назад.

- Что-то неповторимое, особенное ушло, и вернуть это будет не просто. Если бы атмосфера была прежней, мы бы сказали, как мой дед когда-то: «Вы не можете представить, как здесь хорошо!»

Инна БЕЗИРГАНОВА

РАСЕМОН

Четыре года спустя после смерти Иммануила четыре научных сотрудника представили в Президиум Академии наук четыре воспоминания под тремя заголовками (два из них совпали), где говорилось об одном незначительном эпизоде из жизни писателя.

Каждый из четверых, независимо от другого, утверждал, что в тот день их было только трое, и все они описывали примерно одно и то же с небольшими расхождениями.

Позднее объявился и пятый свидетель, во всеулышание заявивший: в тот день я тоже был там и не знаю, из каких соображений меня не упомянули вообще; самого писателя, добавил он, я не видел, но небольшое воспоминание в прессе я все же опубликую и пусть, мол, они (подразумевалась четверка) не вынуждают меня сказать все, как было.

Расширенный Президиум Академии наук встретил это странное заявление молчанием, никто не проронил ни слова, а пятый свидетель свою угрозу так и не выполнил.

Рати:

Была ранняя весна, не то конец марта, не то начало апреля. Дату можно уточнить, если это необходимо. Открывался футбольный сезон, и я, Мамия и Ушанги хотели попасть на первый матч. В тот год мы с Мамией заканчивали вуз, а Ушанги, если не ошибаюсь, уже учился в аспирантуре. Отправились мы на стадион, не имея билетов. Достать их тогда было трудно, вернее, невозможно. Билеты распределялись на высшем уровне, как «Волга», как вобла и т.д. С кем же мы тогда играли? Ах, да с Москвой. Не то со

«Спартаком», не то с «Торпедо». Одним словом, мы собирались пройти без билетов. Мы и раньше так проходили. Можно было, конечно, приобрести входные у перекупщиков, но нам это было не по карману. Прошли мы первый кордон, второй, третий и приблизились к воротам, подойдя вплотную к заслону билетеров. Можно было пробраться внутрь, нам это обычно удавалось.

Стояла непривычная для того времени года жара. Деревья уже покрылись листвой и, ища лазейку, мы держались в тени. В тени нас и задержали. Всех троих. Помню, а как же. Там были я, Мамия и Ушанги и больше никого. Ну, и писатель, разумеется. Заметил ли я его сразу... не помню. Возможно, заметил. Уйма людей мешалась у входов, напирала на ограду. Между заслонами было сравнительно просторно и безбилетных можно было узнать без труда. Он был в легком пальто, если не ошибаюсь. Я говорю о писателе. Прежде я его никогда не видел. Мамия уверял меня, что видел. Может быть... Как я уже говорил, на нем было синее или клетчатое потертое пальто. Шапки не было, да, да, он был без шапки. В руках держал раздутый портфель, кожаный. Кажется, кожаный. У него спросили билет, он сказал, что билета нет. Да, уже в машине. И документа при нем не оказалось. Я спросил начальника, знаете, мол, кто он? Зачем я это сказал, кто меня дергал за язык, когда я и сам не знал толком, кто он. А сам-то ты кто, спросил меня начальник. И влепил подзатыльник.

Ну что, продолжать? Документа, сказал он им, не ношу с собой, и работать, говорит, не работаю. А портфель, сказали ему, небось, носишь с собой. «Да, — от-

ветил он, – ношу, но обыскивать его не имеете права». Он прижимал его к груди. Да, кожаный, но потрепанный. Он был сильно напуган, как мне показалось. Нет у меня билета, повторял он, и пригласительного тоже нет (при чем тут был пригласительный), и визитки, говорит, тоже нет и пропуска. Начальник захлопнул дверцу машины, оставив нас внутри без воздуха. С нами был круглолицый парень, скажем так, провожатый. «Воздуха не хватает», – сказал писатель. На это круглолицый чуть не задохнулся от смеха. Я спросил, чему он смеется, и знает ли он, кто этот человек. А если говорить правду, сам я не знал писателя или поэта. Маmia уверял, что знаю... Оказывается, мы однажды устроили ему встречу в институте. Встречу помню, а писателя – нет.

Так вот, сказал я провожатому, он, мол, писатель. Неужели, ответил тот. Писатель он, повторил я. Ну и пусть, говорит, будет писатель, мол, их на свете не перечесть. А если говорит, он писатель, так пусть себе пишет.

Что с нами сделают, спросил меня тот человек – писатель или поэт... Не знаю, ответил я, да и что еще могут сделать больше того, что уже сделали! Машина остановилась и нас высадили у самого кладбища. Не то у Кукийского, не то у Петропавловского. «Привезли прямо сюда?» – спросил он. Возвращались мы оттуда пешком. У меня, сказал он, есть деньги на такси. Где там было взяться такси или вообще машине. Мы спускались вниз тропинками. Пальто у него было распахнуто, воротник сорочки высывался из-под пальто, волосы растрепались, там наверху было ветрено. Как выяснилось, он случайно оказался у стадиона: на футбол, говорит, не хожу. И даже не знал, кто играет. Какой-то он был худой... У него не хватало нижних зубов, не было верхних... Нет, нижних. Так вот, шли мы пешком, по спуску. С Кукийского, да, да, с Кукийского. Торопились, думали успеть ко второму тайму; вряд ли бы успели. Хотели послушать трансляцию по радио или посмотреть по телевизору, хотя телевизоров тогда еще не было. Узнав, что мы спешим на футбол, он отстал от нас, сказал, что даст нам деньги на такси, если, мол, хотите. Мы, конечно, хотели, но

отказались. По-моему, их у него и не было. «Знаешь кто он?» – спросил меня дорогой Маmia. «Кто?» – не понял я, о ком речь, потом оглянулся и увидел писателя на возвышении. Ветер трепал полы его пальто. Он был без шапки. Это я помню точно. Что было у него в портфеле, не знаю. Больше я его никогда не видел. Потом он умер, и помню, я пошел на похороны. А может быть, хоронили кого-то другого.

Не стоит благодарности!

Маmia:

Он не сказал нам, что было у него в портфеле, а мы и не интересовались. Стоял апрель и мы пошли на стадион – я, Ушанги и Саша. Нас было трое и никого больше... Да, только трое. Пошли мы туда, но лучше бы не ходили. В тот день ловили безбилетных, вывозили за город и оставляли в каких-то безлюдных местах. Тогда попались и мы, и писатель. Узнали, говорит он, меня и все-таки забрали вместе с вами. Так он и сказал, узнали, мол, меня. Может, и в самом деле узнали. Вполне возможно. Он был в парусиновой сорочке. Я подошел к нему. Именно в тот момент, когда рябой мужчина спрашивал у него билет. Я обратился к рябому, знаете, мол, вы, кто он? Никто, кроме меня, не вмешался в их разговор. В результате ни с кем, кроме, как со мной не обошлись так бесцеремонно. Локоть у меня после этого не разгибался. Сейчас уже ничего, разгибается. Нас запихнули в машину и отвезли к Тбилисскому морю. Оттуда пришлось идти пешком. Думали успеть хотя бы ко второму тайму. Писатель, оказывается, на футбол не ходил и даже не знал, кто с кем играет. Тогда он еще не был знаменит. Правда, многие его знали и уважали. Я тогда учился в аспирантуре. Билетов у нас действительно не было. И у него тоже. Да и зачем ему был билет? Худой, небритый, он казался выше среднего. Было у него кашне или нет, не помню... Зубы? Ах, да... верхних зубов не доставало, а может, нижних, но это ему не мешало при разговоре. Когда нас затолкали в машину, он снова поделился с нами своей обидой: узнал, мол, меня один из них, даже обратился ко мне по имени «батона Иммануил», а после притворился, будто это-

го не было. А может писателю просто послышалось. Неужели с ним обошлись бы таким образом, если бы узнали? Всякое могло быть.

Возвращались мы оттуда пешком все вместе. Сперва спускались по тропинке, а потом уже по бездорожью. Писатель очень скоро выдохся и остановился у куста, усыпанном желтыми цветами, глядя на нас невидящими глазами.

И... ничего такого не говорил. Не ругался. В самом деле. Только был обижен и подавлен. А скорее напуган. Узнали, говорит он, меня. Футбол он не любил вообще.

Мы успели ко второму тайму, послушали по радио. Победила наша команда с большим счетом, а может, и проиграла. Да, кажется проиграла с минимальной разницей, уже не помню.

Ушанги:

Я, Рати и Саша отправились на стадион. Был солнечный день. Саша сказал, что билеты достаются там же, на месте. Мы ему поверили, но ничего не смогли достать. В тот день было продано много фальшивых билетов и проверяли каждого, кто вызывал малейшее подозрение. Кое у кого отбирали билеты. Безбилетных было полным-полно. Предстоял интересный матч, а телевизоров, вернее, телепередач тогда, как известно, еще не было. Одним словом, билетов мы не достали – ни липовых, ни настоящих. И денег, чтобы купить с рук, у нас также не было. Кое-как нам все-таки удалось протиснуться к входу, где нас и остановили. Внутрь не пустили и уйти не давали. В общем, задержали. Писатель уже находился в машине, его захихнули туда еще до нас. Да, да, он уже был там. На коленях у него лежал портфель. Он сказал, что не даст им его открыть. Не имеете, мол, права. Почему они непременно хотели его открыть, не знаю. Видимо, как я уже говорил, искали липовые билеты. Библи? Нет, этого не было, я, во всяком случае, этого не видел. У захлопнувшего за нами дверцу машины было рябое, изрытое оспой лицо. Не помню ни имени его, ни фамилии. При встрече узнал бы по рябому лицу. В машине с нами остался толстощекий парень, которого я спросил: «Узнаешь ли ты, кто он?» (Я указал на писателя). Неважно, говорит, кто он, а порядок нарушать не позволено никому, а тем более ему. Тогда я не придал значения этим словам, а сейчас задумался, почему пухлощекий сказал – «тем более ему».

Писатель не сказал, что у него было в портфеле. А мы разве стали бы спрашивать, что, мол, у вас в портфеле, батона Иммануил.

Он был в белой блузе и коричневом пиджаке. «Жарко», – сказал он нам, когда мы уже были за городом, а немного погодя стал бормотать: «Мчит несет меня мой Мерани» и еще что-то о черном вороне, да, да, я точно помню, о вороне. Никто кроме меня (а я сидел с ним рядом) не слышал это.

Нас высадили на Арсенальной горе. Саша сказал, что если мы поспешим к остановке трамвая, то успеем к футболу. Мы ускорили шаг. Писатель быстро устал. Похоже, он был голоден. «Футбол меня не интересует», – сказал он нам и отстал. Где мы его оставили? Там же, у кладбища, на спуске. Не помню, успели мы к футболу тогда или нет.

Александр:

(один эпизод из жизни поэта)

Сколько же мне тогда было... Думаю, немного, но к тому времени я уже смог опубликовать несколько стихотворений. Иммануила я, конечно же, знал. Вернее, знал, кто он. У стадиона я его тотчас заметил. Понурился он слонялся по ясеновой аллее туда и обратно. Я даже удивился, чего, мол, он здесь бродит, как отбившийся от стаи волк. Вдруг он остановился, окинув удивленным взглядом толпу у входа. Что было дальше, вы знаете, добавлю только, что отвели нас туда, где бесцельно бродил писатель, который тоже был без билета. Когда мужчина с рябым лицом обратился к нему, предъявите, мол, билет или пропуск, ни того, ни другого у него не оказалось. По сей день не пойму, как он там очутился. «Что же тебе тут надо?» – спросил у него рябой... Нас было трое: я, Рати и Мамия. И никого кроме нас? Нет, никого. Да, кажется никого. Я спросил рябого, знаешь, говорю, кто этот человек? Рябой тут же велел подчиненным выяснить, кто такая я сам.

Билета у меня не было, но никого это не интересовало. Просто втолкнули меня в машину, следом за мной и поэта. Он поприветствовал меня вторично. Здравствуй, батона Иммануил, – поздоровался я с писателем. Я сказал «с поэтом»? Нет, с писателем. Он протянул мне руку, обрадовался встрече. Видно, не сразу меня заметил. Как, говорит, живешь. Мы потеснились, давая ему сесть, и машина тронулась. Он стал озиаться по сторонам, спросил, что, мол, они с нами сделают. Когда нас высадили из машины, он поинтересовался, где мы находимся. Оказалось – на горе Махата. Внизу под нами был город, утопающий в зелени, оттуда доносился неясный гул. Писатель как замороженный вслушивался в этот гул, не сходя с места. На нем был поношенный, в полоску, табачного цвета пиджак, жидкие волосы его трепал ветер. Мамия нам сказал, давайте, мол, поторопимся, а то, говорит, глядя на него, все прозеваем. «Пойдете с нами, батона Иммануил?» – спросил я его. «Да, – сказал он, – только поймаем такси». Где там было взяться такси. Мы пошли пешком.

«Меня узнали, – сказал нам Иммануил, – и все-таки забрали». Дорогой он несколько раз спотыкался и чуть не падал. И даже не пытался удержаться на ногах. Как я заметил, ему мешал портфель. Большой раздутый портфель из чистой кожи. Башмак у него спал с ноги. Он вытряхнул из него песок, надел на ногу и сказал мне, что дальше не пойдет. Дам, говорит, вам деньги на машину. Дал или не дал, не помню. По-моему, не дал. «Узнали меня и все-таки забрали», – отметил он еще раз. А на футбол, говорит, я вообще не хожу, меня туда калачом не заманишь; от одного из них, сказал писатель, исходил водочный запах. Он не сказал «разило» или «несло», а сказал «исходил запах». От которого? – хотел я спросить у него, но не решился. Мы оставили его там, а сами поспешили дальше, сокрушаясь о пропущенном тайме. Судьба поэта нас уже мало заботила. Его, подумал я о нем, можно увидеть хоть каждый день, а этот матч уже никогда не повторится. Конечно же, я его знал! Во всяком случае знал, кто он. Я сказал «поэт»? Какая разница... Не скажу о других, но я преклонялся перед ним. Мог ли я подумать тогда, что он так скоро уйдет из жизни. А тот день не сотрется у меня из памяти до

самой смерти.

Что было у него в портфеле, не знаю, ничего не могу вам сказать. Число? Это нетрудно уточнить. Кажется, был конец первой недели или предпоследний день апреля того года.

Над зазеленевшими ветками огромных деревьев синело небо. Горячий, от нагретой земли воздух колыхал длинные черешки листьев и сдувал зеленоватую пыльцу осиновых сережек.

Поток людей наводнил улицы. Они шли группами, толпой, в темных очках, со свернутыми газетами в руках, грызя семечки, дымя сигаретами. Приблизившись к железной ограде, начинали с силой напирать друг на друга и попадая внутрь, удовлетворенно оглядывались на идущих сзади, которые, в свою очередь, налегали на идущих впереди, и протиснувшись, оказавшись внутри, начинали какое-то время бесцельно кружить, изнемогая от жары. Шли и шли они под дрожащими осиновыми листьями, под синим, раскачивающимся подобно гамаку, небом.

Огромные островки осины, зубчатые листья которых усыпаны солнечными веснушками, распиливали на спички, пронзительный звук электропилы доносился откуда-то издалека. «Из дерева осины получают великолепные спички», – утверждал кто-то когда-то. Что такое спички? Вспышки? Прислонившись спиной к осине, он смотрел на людей, на эти неблагодарные спички-вспышки, пристально вглядывался в полуденную синеву людского потока. Не было в тот день ничего прекраснее во всем поднебесье, чем отраженные в этой синеве тени зеленеющих деревьев.

Шли и шли они в темных очках, шелкая семечки, дымя сигаретами, оставляя за собой клубы дыма, устремляясь к суетной цели – огороженному кругу. Мешались люди и обреченные на распилку дерева. Распилят их на мельчайшие щепки, исчезнут тени людей и деревьев, и через сто лет никого из всех ста тысяч не останется на земле. Подошел ко мне человек-спичка и потребовал билет. «Нет у меня билета», – сказал я ему. «Тогда, батона Иммануил, – говорит человек-спичка, – пожалуйте к нам». Я пошел. Когда мы были уже возле черной машины, он спросил, нет ли у меня в портфеле документа, подтверждающего мое иммануильство. И этого у меня не оказалось. По-моему, у него есть такой документ, предположил второй, тот, от которого исходил легкий водочный аромат; обернувшись ко мне, он добавил: «Прошу ваш портфель, батона Иммануил, если можно». Я не отдал. Тогда, говорит, пожалуйте в машину, там разберемся, кто вы. Кто-то, попыхивая сигаретой, отделился от стотысячного потока и сказал им, кто я. Кем бы он ни был, а билет или документ у него должны быть, заметили ему вполне справедливо. Надо же все-таки иметь хоть что-то при себе?! «Тогда, батона некто, живее», – крикнул, подсаживая меня в машину тот, от которого исходил разбавленный зефиром водочный запах. Это был полнокровный, подвижный здоровяк. Люди с такими живыми бессмысленными глазами постоянно что-то высматривают и, не найдя ничего полезного для себя, начинают насмехаться над предметами, явлениями, над окружающими их людьми и даже слегка над собой. Рябой, у которого одна ноздря была тоньше и короче другой, остался стоять под осинами.

По нему было видно, что времени он зря не потеряет, многих отправит по моему следу, много осин распилит на спички.

Посадили его в машину и отвезли на Кукийское кладбище. Может, приговорили к высшей мере, подумал он. «А отсюда ступайте пешком», – сказали они. Таким оказался окончательный приговор. Пухлощечный парень, прощаясь, спросил его, не выпадают ли у него волосы. Зачем спросил – неизвестно. Водитель окликнул его из кабины, хватит, мол, языком молотья! «Не твоё дело», – ответил парень и сел в кабину. Водитель, который торопился, был одет в засаленный пиджак, при разговоре он слегка посапывал крупным носом; с начальством, как видно, был не в ладах. Не любил тех, кого обслуживал, и хоть не высказывал этого явно, но и скрыть не мог.

Возвращались мы оттуда тропками. На спуске остановились и посмотрели вниз на замерший под солнцем город. Звон разбитого стекла донесся до нас со стороны Мтацминды. Голый по пояс мальчишка попал мячом в окно. Петушинные крики сливались с отдаленным гулом, в котором различались отрывистые автомобильные гудки. Из Соллаки слышались голоса парня и девушки. Парень просил девушку войти к нему в дом. Не стесняйся, говорит, я один. Потому и не хочу входить, что ты один. Да и мама рассердится. Пахло жженым бурьяном и цветущим миндалем? Цвел желтый чубушник, над раскрывающимися цветами персика кружила пробудившаяся от спячки пчела.

VI

Снова бились в ночи колокола с колоколами.

Ночной апрельский ветер нес ворох розовых цветов миндаля. Жалобно скулил привязанный к ножке письменного стола чертенок. Ветер бил зеленеющей веткой в оконные стекла. Чертенок рыдал и царапал когтями паркет. Кому нужны твои стихи и сказки, твои несказанные слова...

«...Ты прав в эдема синий сад ворвался пыльный ветер, померк, померк цветущий май, померкло все на свете».

Когда на склонах цвел желтый чубушник, когда ожившая после зимней спячки пчела жужжала над раскрывающимся цветком персика, а над кружницей, величиной с ладонь, хлопала прозрачными крыльями бабочка-atropos, тот человек смотрел на замерший, залитый солнцем, город и изумлялся душе, не раскрывшейся навстречу распутившимся той весной цветам персика, легкости угасшей страсти, ранней желтизне солнца, пыльце зеленых сережек осины и человеческой дремотности.

Так вот... в портфеле у него было пять тысяч отпечатанных за свой счет в государственной типографии пригласительных билетов. Он смотрел на людей, торопящихся попасть за железную ограду, сдерживая слезы и крепко прижимал к груди туго набитый пригласительными портфель. Где он мог распространить такое количество билетов и кому это было нужно? Разве пришли бы эти порядочные граждане в Дом железнодорожника?

VII

На Президиуме было сказано: хоть никогда раньше он ничего подобного себе не позволял, однако на

сей раз требует невозможного. Люди (имеются в виду читатели) не очень-то его знают, и он, как бы сказали наши предки, не пользуется всенародной любовью. Поэтому нам следует воздержаться от грандиозного вечера-спектакля, так как зритель не придет в Дом железнодорожника по своей воле, а силой приводить туда людей мы не намерены; надо взыскать с того, кто все это затеял, кто подбил его на такое. Товарищи, нельзя же все решать с бухты-барашки. Мы не можем предоставить ему Дом железнодорожника. Это исключено! Но сообщать ему об этом пока не стоит. Лучше вынудить его самого отказаться от этого вечера. Так или иначе, это мероприятие не должно состояться.

– И не состоится! – выкрикнул кто-то из зала.

– Что-о?!

– Не состоится, даже если очень захотите, так как этим утром он лег в Лечкомбинат.

Последовала долгая пауза.

– Но почему он лег именно сейчас? – спросил кто-то. Никто не ответил. Думали, гадали: кто устроил, кто позволил ему лечь в эту больницу.

– Просил он об этом кого-нибудь из вас?

– Нет.

– Направление?

– Тоже нет.

– Так как же он туда лег?!

– Ничего, ничего пусть полежит, подлечится, поправит здоровье.

– Нет, он действительно туда лег?

– Ну да!

Лег он оказывается без всякого разрешения.

«... и это было наивысшим проявлением презрения к ним, полным отказом от ответа и отступлением от правил – конь ложится редко, да и то лишь перед рассветом...»

VIII

Подступы к Дидубийскому пантеону перекрыли, чтобы остановить толпу людей, когда Иммануила опустили на землю. Кто-то возился с микрофоном, стучал по нему ногтем, проверяя звук.

Людям все-таки удалось прорвать несколько кордонов и прибиться к железной ограде. Мужчина с изрытым оспой лицом, тот, у которого одна ноздря была тоньше и короче другой, сказал подчиненному: «Как это ты, дегенерат, умудрился пригнать сюда столько народу?» «Кому он это говорит, кретин эдакий», – подумал подчиненный, отошел в сторону и присоединился к своим, так как уже прибыли представители на черных лимузинах и надо было освободить им дорогу, заставив людей расступиться.

Какая-то женщина посадила мальчишку на ограду, не боясь, говорит, не упадешь, живым не смогла тебе его показать, так взгляни хоть на мертвого!..

В хрупком прозрачном воздухе слышался едва различимый хрустальный звон. Бабочка-atropos покачивала прозрачными, цвета незрелого винограда крыльями над сыпучей сухой могилой. Невидимый дымок, поднимаясь зыбкой от напоенной блаженством кладбищенской земли, уносил с собой звон хрустальных сталагмитов и сливался с небесным сводом.

Резо ЧЕИШВИЛИ
Перевод Гины ЧЕЛИДЗЕ

Семья Бархударовых

Дедо! Сейчас - всего на час - я буду как бы артистом, а ты – моим главным зрителем. Вернее, слушателем. Похоже получилось? Старый город, наш дом задолго до меня. Читая, я буду наблюдать за тобой и пойму. Очень хотел бы увидеть твои руки сжимающими подлокотники кресла... Итак.

«Кто видел его на сцене хотя бы раз, запоминал навсегда». Это из книги бывшей примы грузинского балета, искусствоведа Лили Гварамадзе - об артисте Тбилисского театра оперы и балета Григории (Гарри) Бархударове (1895-1976).

Вбежать бы снова в Театр моего детства с бокового, служебного входа, слыша за спиной: «Внук Гарик Василича». В фойе - доброглазые и подтянутые капельдинерши с пачками программ в руках. Публики пока почти нет. Промчатся мимо телефонистки «Цалую» (так обращался к ней дедушка, звоня в театр) и, миновав длинный коридор с наперебой хлопающими дверями, с несущими охапки костюмов «одевальщицами», увидеть дедушку. Уже под гримом, немного чужого, посматривающего на себя в зеркало каким-то недомашним взглядом.

Гримировался и одевался дедушка сам в своей отдельной грим-уборной - залитой ярким электрическим светом небольшой комнате неправильной формы у перекрестка закулисной суеты. Там всегда были люди - актеры, оркестранты, технический персонал.

Сбросив верхнюю одежду, спешу в зрительный зал. Навстречу мне постукивают пуантами балерины, шуруша на торопливом ходу к сцене накрахмаленными юбками. Из оркестровой ямы доносится прелестная разноголосица настраиваемых инструментов. Совсем

скоро медленно погаснет свет. Взлетят холеные и властные руки дирижера и застынут, требуя полного внимания музыкантов. Стихнет гомон. Послышится чье-то покашливание. Неприлично громко щелкнет замок опущенной неосторожно какой-то двери. Захрустит где-то фольга шоколадки в руках нетерпеливой сладкоежки. Пришедшая в движение дирижерская палочка потянет за собой первые звуки увертюры. Задышат струнные, поведет затейливую, с завитушками, линию флейта, звякнет треугольник, зарезвившиеся над тугой кожей литавры колотушки с пухленькими головками посеют тревогу, взорвутся тарелки!.. Под светом рампы привлечет внимание волнение занавеса. Вот он плавно поплывет вверх, впуская в зал прохладу и несравненный запах сцены.

И засмотрится зритель, заслушается. Поверит при творным веселью и слезам. И отзовется не раз благодарными аплодисментами . . .

Г.Бархударов был младшим в семье тифлисского купца второй гильдии Василия Бархударова, благотворителя. В 1895г. газета «Кавказ»(№193) сообщала о том, что он «принял на себя ... расходы по ... капитальной реставрации авлабарской во имя Св. Григория армянской церкви» (над баней «Гогило»), а год спустя там совершалась «по реставрации ... первая литургия и по окончании оной панихида по усопшем» В.Бархударове («Тифлисский листок», 1896, №127).

Овдовев в двадцать восемь лет, осталась Варвара Ивановна с восемью детьми.

Принадлежа корнями, воспитанием уходившему в прошлое старому Тифлису, Г.Бархударов впитал в себя его неунывающий дух, неповторимый смешан-

ный фольклор, был очарован - и навсегда - звучанием дудуки, зурны, кяманчи, доли. В отношениях с людьми не признавал ни межэтнических, ни межсословных перегородок. Женился по любви на неимущей русской дворянке. Обожал веселые застолья и вообще всякую тамашу.

Небольшая компания коллег-артистов посещала по выходным дням (понедельникам) майданские серные бани и - после – сирачхану. Когда приближались к Винному ряду, Ваню затягивал «Урмули». Распахивались окна, двери на резные балконы. На улицу выскакивали виноторговцы - каждый просил оказать честь. Чаще шли к Сакулу («Вы все - мои гости!»). Выкатывалась и устанавливалась большая бочка, вокруг ставили маленькие, также и для хозяина. На бочке появлялись «тунги вино», хлеб «шоти», сыр, зелень, джонджоли, речная рыбка «цоцхали», мужужи, а потом шашлык, обильно посыпанный сизым луком. И были тосты, пение, танцы... А рядом ладилась продажа вина.

Однажды, выйдя из сирачханы, возле «Ишачьего моста» через Куру друзья увидели верблюдов. Переговорив с чарвадаром, взобрались на них как смогли и двинулись сквозь торговавший, гудевший теперь уже где-то там, внизу, Татарский майдан. Закружились нестройно - вместе с разложенным, наваленным, развешанным повсюду всевозможным товаром - и смешались кахетинские и сванские, с крестами на макушке, шапочки, шляпки горожанок и котелки господ, куртаны мушей, картузы и военные фуражки, папахи и фески, шали, тюрбетейки и тюрбаны. Зашевелились, заиграли на вывесках буквы - вразнобой, каждая на свой особый лад, толкаясь между собой и друг за дружку заплетаясь. И поплыли, мерно покачиваясь, мечеть Шах-Аббаса у самой воды, церковь Сурб Геворк под горой с развалинами древней крепости, чайные и духаны, заполненные харахурой крошечные лавки Темного ряда, мастерские ремесленников, синагога, Сионский собор и снова пара церквей... Сопровождаемый аплодисментами и подбадривающими возгласами, разве-

собрал, а уж потом Темный с Башмачным и дальше... мечеть... на горе... - Сто-оп! Извините...» Появился начальник. Оглядев приведенных с удивлением, громко крикнул подчиненным: «Который из вас их задержал?» - «Я, батона», - подался вперед один, взяв под козырек. - «Дурак! - и после паузы: - ты знаешь, кто они?» (А помимо Ваню Сараджишвили и Гарри Бархударова, под стражей томились бас Леон Исецкий, баритон Сандро Инашвили и балетмейстер Сергей Сергеев.) Затем начальник связался по телефону с возглавлявшим оперный театр режиссером Александром Цуцунавой (он и жил в театре) и строго велел срочно явиться. Возмущенный Ражденович, сам не чуждавшийся понедельничных «мероприятий», примчался через несколько минут и был встречен сбивчивыми рассказами под нарастающий общий хохот. Цуцунаве отдали составленный уже акт, и он увез всех на двух извозчиках.

Первые «театральные» впечатления маленького Гарика были связаны с любительскими спектаклями в построенном отцом доме на Баронской (ныне – Пурцеладзе; дом еще как-то существует). Вечера эти устраивались в зале с огромной хрустальной люстрой и высоким, под потолок, нарядным зеркалом.

Дом - с внутренними двором и балконом. Семья занимала верхний, третий, этаж; все остальное сдавалось. Наверх вела сопровождаемая поручнем и устланная ковровой дорожкой широкая, массивная (из тесаного камня) лестница с поворотом. Стены парадного украшали живописные фигуры, изображавшие времена года. Во дворе и около командовал дворник Бабай. Конечно же, очень усатый-бородатый. Примерно такой, как у Пиросмани. В крохотной камерке внизу дома хозяйка давала приют бедолаге Петрэ, оказывавшему всем желающим разнообразие мелкие услуги. В нескольких шагах наискосок от подъезда постоянно маячил городской, знавший в лицо и поименно жителей близлежащих домов. Снизу, со стороны Солдатского базара плыли, разливались, проникали в окна размеренные звуки шарманки, время от времени по-

Балетная труппа 30-х гг. Слева - Г.Бархударов

селый «караван» прошеествовал до середины полной народу Эриванской площади. Вдруг - пронзительный свисток, и перед ними возник милиционер. Тут же, откуда ни возьмись, набежали еще... Сидя на скамье за перегородкой в отделении, они старались вспомнить все по порядку: «Так. У моста... как его, ну... «Верблюжьего» стояли... ишаки. - И что, поехали на ишаках?... - Интересно, кому, все-таки, пришло в голову... - Значит, мимо Башмачного, говорите, ряда и Сиони, по Армянскому базару... - Только вот... сначала Сионский

пираемые выкриками разносчиков мелкого товара, цоканьем копыт клячи керосинщика. То тут, то там, где-то во дворах за соседними и отдаленными домами, не знающий устали даф задавал ритм шумным курдским свадьбам. Умелая Аннушка, каждое утро принимавшаяся за дело до того, как на улице появлялись крестьянин-мацонщик с понурым ушастым помощником, навьюченным тяжелым хурджином, еле справлялась с аппетитом детей («О-пять куша-ють!») и их друзей. Младшие с нетерпением ждали продавца горячих буб-

ликов, спускали на веревке корзинку с денежкой. Степенно расхаживал, помахивая пыльным хвостом, всюду и всегда желанный лохматый и добродушный великан Марс, сын Дианы. Редкий день семьи проходил без старомодной и чудаковатой, набожной тети Машо, в чихти-копи, неизменно приносившей с собой в глиняном горшочке лобио, без которого не желала садиться за стол. Хозяйство Варвара Ивановна вела соглашаясь с записями в заветной тетради: проверенными рецептами приготовлений, указаниями времени, когда – с точностью до чисел – варить то или иное варенье, делать такие-то заготовки, красить суриком крышу... В разгар лета мылась и укладывалась вдоль балкона под палящее солнце шерсть из тюфяков, и взбивали ее работницы кизилковыми палками, с присвистом рассекавшими горячий воздух. Осенью в глубокой подворотне развешивались сушиться на зиму гирлянды перца и нарезанных баклажан. Под Новый год вершилось

шие учебные заведения Берлина, Москвы и Петербурга. (Среди них Сергей Бархударян - композитор, воспитавший впоследствии целые плеяды грузинских и армянских композиторов.) «В тени» успешных братьев рос Гарик. «Шалопай, эли». Подмечавший и умевший показать характерные движения, мимику чиншу из размещавшегося в первом этаже бархударовского дома Сиротского суда, свесившихся с уложенных вдоль подоконников мутак судачащих кумушек, любвеобильных и речистых подвыпивших мокалаков, угодливых приказчиков дорогих магазинов, охваченных азартом игроков в нарды, мягких, обходительных персов-торговцев «азиатскими товарами», воцарившихся над покорными клиентами «терщиков» серных бань, охочих поговорить по ходу дела «за жизнь» на любом из четырех-пяти языков, уличных горлодеров и драчунов и любителей поглазеть на калмагалы. Собирал и пересказывал в лицах анекдоты про русских офицеров

с вечно конфузными их денщиками, про жен-обманщиц, жеманных барышень, девиц на выданье и пошловатых остроумцев кинто...

Будучи в юном возрасте принят в Казенный театр (тифлиссский оперный) стажером, Г.Бархударов определился как исполнитель характерных танцев и мимических ролей под руководством танцовщика и балетмейстера Михаила Мордкина,

С В.Джонс в «Сказках Гофмана»

В балете «Корсар»

традиционное священнодействие - при непрерывном помешивании в медной посуде варился мпд для гозинаки. В свободные от забот вечерние часы мать, со связкой ключей на узком пояске, разложив поудобнее складки широкой юбки, усаживалась - обычно в окружении сестры и одной-двух любимых приживалок - к самовару для затяжного чаепития вприкуску с кусочками сахара, сколотыми с конусообразной головы, обернутой плотной синей бумагой. В положенное время дули студеные ветры, и в предписанную мифом ночь выставлялись за окна и за порог тарелки с кумелой для Сурб Саркиса, и поутру семья искала на муке добрый знак - след копыта коня сказочного всадника, и самоотверженно ели мечтательные дочки и сестры с подружками невозможно соленые лепешки в надежде увидеть во сне суженого - того, кто подаст воду.

Варвара Ивановна придавала большое значение образованию детей: старшие сыновья окончили вы-

В роли Санчо Пансы в «Дон Кихоте»В

Афиша концертного номера

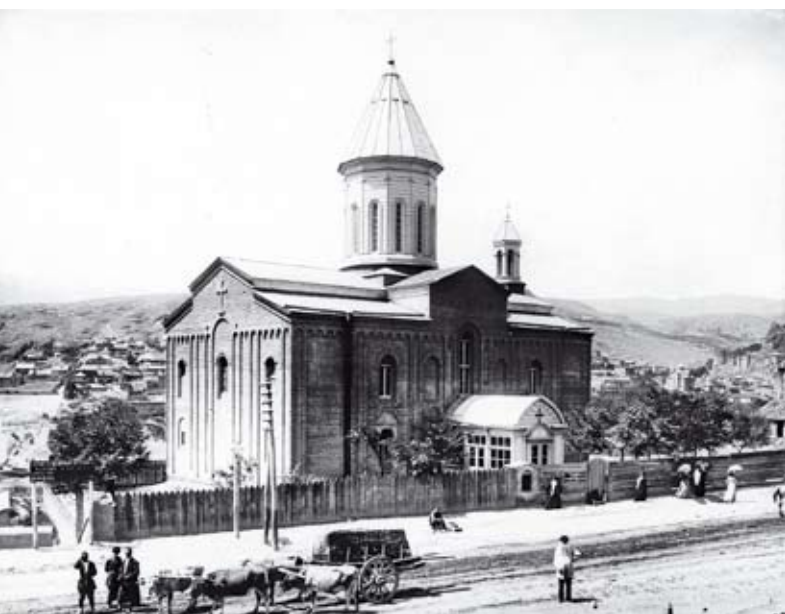
артиста Большого театра, участника первого из дягилевских Русских сезонов в Париже, партнера Анны Павловой.

Со слов Г.Бархударова, Мастер творил на сцене подлинное чудо, уже одним своим выходом заставляя зрительный зал замирать восторженно. В годы пребы-

вания в Тифлисе (с 1920-го) «король балетных легких па» поставил ряд спектаклей, в которых участвовал и молодой Г.Бархударов. Бывал в доме Бархударовых и даже проводил в зале небольшие репетиции. В 1924г. уехал в Америку, основал в Нью-Йорке школу, создал собственную труппу «Мордкин балле». (В репертуаре ее сверкал «Карнавал» родом из далекого Тифлиса.) Звал Г.Бархударова...

В посвященной Г.Бархударову статье для журнала «Театралури моамбе» (1976г., №6) Л.Гварамадзе написала: «Помню ... Гарри Васильевича и Илью Ильича Арбатова в концертном номере ... (в постановке Арбатова), где Гарри Васильевич изображал немолодую курдянку ... заигрывающую со своим партнером с куртаном на спине. ... Искрометный диалог двух великолепных мастеров мимики и жеста. ... Мне лично не доводилось встречать лучшего, чем Гарри Васильевич, исполнителя ролей Квазимодо (балет «Эсмеральда» Пуни-Глиэра) и Санчо Пансы (балет «Дон Кихот» Минкуса). ... Гротесковый пристав в опере Виктора Долидзе «Кето и Котэ» ... тучный, неповоротливый ... по существу ... ничего не делал - слегка притоптывал ногой «в мазурке» и снова с достоинством возвращался на свое место, но в его статике было столько выразительности ... А в третьем акте полная противоположность - игривый, подвижный, веселый, бесшабашный кинто с табахи на голове. Нельзя не вспомнить его - одного из исполнителей танца «Картули» в опере Захария Палиашвили «Даиси»: ... уверенный в своей неотразимости, самовлюбленный, настойчивый, но неудачливый волокита».

По оценке Янины Ясинской, в прошлом солистки балета театра, Г.Бархударов «делал на сцене уникальные вещи. Чего стоила одна пробежка его Санчо

Церковь Григория Провосветителя на Авлабаре

Пансы - лукавого, забавного, трогательного - мелкими шажками по авансцене с ворованной рыбиной в руках?! ... Не забуду его очаровательную и грациозную бабушку Марселину в балете Гертеля «Тщетная предосторожность». Гарри Васильевич достигал профессиональных высот и в совсем, казалось бы, маленьких ролях - таких как хан в балете Дриго «Конек-Горбунок», ... подхалим-евнух в асафьевском «Бахчисарайском фонтане» ... Прошло много лет, но никто не смог создать такие живые и удивительные по характеру, пластике, юмору образы ... «

А вот несколько строк из «Слова о Г.Бархударове» балетмейстера Георгия Алексидзе: «Гарри Васильевич был участником первых постановок ... «Кето и Котэ» (1919г.), где его пристав стал большой актерской удачей ... «Даиси» (1923г.), где считанные минуты «вмещательства» его комического персонажа в танец «Картули» неизменно проходили под восторженные рукоплескания публики... К великому сожалению, ничто не сняли на киноленту. Никто об этом не позаботился. ... Интересная личность. Артист!.. Отлучаясь с репетиции ... объявлял: «Ну, вы работайте, а я пошел в ЦК». Долго недоумевали, зачем? Побоялись даже. «Гарри Васильевич, откуда Вы?» - «Как откуда? Из ЦК!» Однажды тайком заглянули в его большой портфель: ... зелень, овощи... С базара. Мне доставляет искреннюю радость вспоминать об этом высокоталантливом актере, добром, веселом и «очень тифлиском» человеке».

Дочь Г.Бархударова, Нелли Бархударова, рассказывала: «Из театральных деятелей, с кем папу связывали творческие отношения, ярчайшее впечатление оставил во мне Арбатов - не только балетмейстер и актер, но и одаренный художник (сужу как профессионал). Эрудит, знаток Востока. До сих пор перед глазами придуманный им в качестве заключительного сцениграфического «аккорда» к балету «Красный мак» медленно опускавшийся занавес из черного тюля со множеством разбросанных по нему рельефных цветов. И костюм из светлозеленого газа поверх золотой парчи для блистательной Нины Рамишвили в поставленном им же сольном танце. Огромен был вклад Арбатова в первую концертную программу Ансамбля народного танца Грузии. На детских праздниках в нашей семье настоящее веселье начиналось, когда к концу вечера возвращался из театра папа. Затеваемые им игры, шутки приводили нас в такой восторг, что родителям, пришедшим за детьми, не удавалось унять их и увести - все хотели еще. Однажды во время моей тяжелой болезни папа разбудил соседствовавшего на Лорис-Меликовской аптекаря В.Вилларета и умолил приготовить среди ночи лекарство. Тогда же привез домой кинопроектор с механиком. Последнее выступление папы состоялось весной шестьдесят седьмого в возобновленной при его участии бесподобной первой, цуцунавовской, постановке «Кето и Котэ», в тонкостях воссоздававшей характеры, бытовые детали, дух старого Тифлиса. А до того было полвека служения любимой сцене с безоглядной отдачей сил. Изо дня в день, из вечера в вечер он спешил на репетиции и спектакли задолго до их начала, растворяясь и находя себя там, в бурлящих буднях театрального коллектива».

... После спектакля дедушка обильно нашлепывает на лицо вазелин, размазывает им грим, снимает эту мешанину лигнином и кажется бледным и усталым. Он протягивает мне свою мягкую красноватую ладонь, и мы идем домой. Буднично переключаются машинист и рабочие сцены. Напоенного музыкой, волшебным светом софитов мира больше нет. Уносится реквизит, выкатываются станки, опускаются висащие на колосниках штангеты, снимаются, складываются задник и кулисы. Полумрак в опустевшей оркестровой яме. Капельдинерши покрывают бархатные кресла партера и амфитеатра полосами холщовой ткани, перекатывая вдоль рядов худеющие рулоны.

Веки наполняются оранжевым теплом. Сегодня у дедушки выходной! Он будет дома - уютный, ласковый («Дедо!» - «А джан?!»). После чая он станет что-то мастерить, и я буду ему помогать. Если не заладится, проворчит беззлобно: «Мамадзагли, все равно же должен выйти, зачем напрасно мучает?» Потом мы пойдем кататься вкруговую на скрипучем, дребезжащем, поэвя-

квивающем трамвае со складными, всегда открытыми дверями. Закусив папиросу в углу рта, дедушка обязательно заведет с кондуктором и попутчиками громкий шуточный разговор («Хи-хи - ха-ха!» - называла это бабушка). На обратном пути мы сойдем «у Земмеля» и пройдемся пешком по «Головинскому», встречая знакомых. Улыбчивых, любезных. (Как поредели нынче городские лица.) Приподнимая в приветствиях шляпу, дедушка будет слегка наклоняться вперед. Еще можно в «Муштайд» или «на фуникулер», где в «раковине» играет марши, вальсы, другую парковую музыку милицейский духовой оркестр Александра Желтухина. Дедушка обменяется с «самим» воздушными поцелуями, и все посмотрят на нас, и я застесняюсь...

Я застал его еще носящим трость. Галстук завязывал размашисто, не глядя. В лацкане пиджака - неизменный значок (помню такой же у Бориса Георгиевича Шебуева, любимого педагога мамы в Академии художеств). Смеялся громко, часто до кашля, до хрипоты. Непринужденно, этак «желанным гостем» входил в кабинеты должностных лиц. Поднимал украдкой пламя керосинки, чем заслуживал выговоры от тещи, которой приходилось потом возиться с копотью. Таскал у жены и дарил театральным портнихам швейные иголки с золотым ушком...

После ухода со сцены старая одежда становилась все свободнее, рукава удлинялись. Круг общения суживался.

Когда дедушка серьезно заболел, я подолгу слушал его неспешные рассказы («Рац гинахавс, вегар нахав!» -> «Что повидал, того уж не увидишь!»).

О поездках с матерью к братьям в Берлин и в Москву. О том, как дивным, сказочным вечером, какие случаются только в юности, бежал по незнакомой Москве. Огромной, пьянящей. И встретил у подъезда роскошного дома барышню. Прехорошенькую, с искорками в глазах. Отвечала благосклонно, оказалась смешливой. Позвала в гости. Приложила палец к губам и повлекла по темной теплой тишине. Звенящей, пульсирующей. Оглушившей. Исчезло, забылось, в беззвучной той темноте перестало существовать все на свете. Осталась одна лишь пленительная в руке рука, веления которой были так желанны... Вдруг - слепящий свет! Подросток с парой ботинок под мышкой на пороге гостиной. Смех, звон бокалов! Песочные часы с недоопороженной верхней емкостью на крышке рояля. Аплодисменты хозяйской дочери! Приглашение гимназисту присоединиться к застолью.

О приездах Федора Шаляпина уже знаменитостью в Тифлис, где начинал в качестве солиста. Как поклонился он низко, по-русски, театру, поцеловал пол сцены.

О театральных курьезах. Как офицер кавалерии въехал в театр на коне. На спор. Как дирижировавшему «Аидой» Самуилу Столерману дала две звонкие затрецины - слева и справа - супруга. Как один из директоров театра - «переброшенный на культуру» с производства - возмущался, замечая, что в оркестре зачастую «не работают», «просто сидят». Как местный Альфред миловался сверх меры с бедной гастролершей-Виолеттой...

Вспоминался, должно быть, дедушке его первый фурор. Бесценный. Возможно, неожиданный, когда, балуясь, показывая товарищам строгих преподавателей гимназии, мадам Асламазову («Ишакнатиралову»), кучеров, клевавших носом на козлах фаэтонов за окнами класса (на углу Вельяминовской и Лермонтовской) и начинавших «высказываться» (оно-то и бывало нужно!), получив по щеке выстреленным из трубочки прослунявленным комочком промокашки. Вспоминалось, должно быть, как вслушивался - даже сквозь

фортиссимо оркестра - в то, что было превыше всего, чему служил и поклонялся - в дыхание зрительного зала...

Улетая в первую из далеких и длительных своих командировок, я вышел на летное поле аэродрома, окупившись в его шуму, с которых и начиналась вереница впечатлений моей новой, совсем уже взрослой жизни. На полпути к самолету я оглянулся, как это делают все, кого провожают. Бабушка и дедушка стояли неподвижно у барьера, где мы только что простились. Два блеклых пятнышка за пустующей оградой. (Они не сойдут с места, я знал точно,

С дочерью Нелли

пока мой самолет не исчезнет в выси). Им, однако, было не разглядеть внезапно усилившегося, вероятно, блеска моих глаз, и я бодро замахал на прощание рукой...

Оборачиваясь снова и снова и всматриваясь сквозь растущую толщу лет в дорогие черты, я встречаю все тот же взгляд. Он очень нужен мне. Сегодня больше, чем когда-либо.

Не одну тысячу раз поднимался над артистом Бархударовым занавес родного театра.

Были гастролы, в том числе обе Декады грузинского искусства в Москве (в 1937 и 1958 гг.). Были награды, из которых наиболее дорогой для него осталась самая ранняя - жетон, полученный в 1923 году в числе немногих за бессменное участие в ста первых представлениях оперы З.Палишвили «Абесалом и Этери» (танцы).

Было много аплодисментов.

А главное - было, наверное, то, что называют «искрой Божьей», и потому: «Кто видел его на сцене хотя бы раз, запоминал навсегда».

Прими, дедо, и это мое «Браво!»

Ростом ЛОМАДЗЕ НЕЛЛИ

КНИГА МАСТЕРОВ

Немногие события в искусстве становятся явлениями и остаются в памяти культуры. Явление – это не просто понятие. Это категория. Поэтому событию, чтобы стать явлением, необходимы не только историко-художественная, научная или поэтическая ценность, но масштаб, новизна и та эталонная безукоризненность, которая в итоге становится художественным мерилом, ориентиром.

Книга «Эдгар Аллан По. Ворон», изданная в серии «Литературные памятники», – сама по себе событие, да еще и объединила в себе несколько художественных явлений: самого «Ворона», филологическую работу профессора В.И.Чередниченко, подготовившего издание, 25 переводов «Ворона» на русский язык, ценные иллюстрации...

Серия «Литературные памятники» настолько значительна и избирательна, что только одно ее название уже является исчерпывающей рекомендацией для трудящихся, опубликованных в серии. Попасть в нее непросто. Попадая, приходишь в историю культуры.

«Литературные памятники» – серия академической, художественной, документальной литературы, которая издается с 1948 года под эгидой Академии наук СССР (с 1992 года – Российской академии наук). Инициатором ее создания был президент АН СССР, академик С. И. Вавилов. В 1971 году к руководству «Литературными памятниками» приступил академик Д. С. Лихачев и руководил ими до конца своих дней. По сегодняшний день серия следует своей изначальной цели – представлять самые полные и новейшие научные и художественные материалы в неадаптированной форме, но в то же самое время доступной и для самого широкого круга читателей, пусть и неспециалистов, но образованных и требовательных. Можно сказать без малейшего преувеличения, что каждое издание становится своего рода энциклопедией по тому или иному литературному памятнику.

Под порядковым номером 591 в конце прошлого года – года 200-летия со дня рождения Эдгара Аллана По – и вышла в свет книга, посвященная одному стихотворению, – «Ворону». Издание подготовлено Владимиром Чередниченко, доктором филологических наук, профессором, академиком Академии гуманитарных наук. Книга – результат его кропотливого и вдохновенного труда, который длился больше тридцати пяти лет и, видимо, продлится и дальше, потому что действительно является для исследователя делом жизни. «Ядром» книги составитель сделал переводы «Ворона» на русский язык (полный свод переводов XIX века и ряд переводов XX), а собственные исследования разместил в разделе «Приложения», хотя они являются равноправной частью сборника и безусловной ценностью

Эдгар Аллан По

для читателя, поскольку представляют собой образец блестящей, глубокой и тщательной филологической работы.

В. Чередниченко сделал профессионально замечательный подстрочный перевод стихотворения и заново перевел статью По «Философия сочинения», в котором описывается процесс создания «Ворона»; проанализировал фабулу, сюжет и сверхзадачу «Ворона», проведя типологические параллели; охарактеризовал произведение «как социокультурный феномен: от предпосылок к последствиям»; исследовал русские переводы «Ворона» в теоретическом и историческом аспектах по собственной схеме.

Исследователь-составитель включил в сборник двадцать пять из известных приблизительно сорока переводов (не считая разбросанных по интернету, которые носят дилетантский характер), разбив их на четыре периода, каждый из которых отличается и своей эстетикой, и своей идеологией.

Читателю придется еще раз убедиться в том, что все 25 переводов «Ворона», по-своему замечательных, лишь подчеркивают завораживающую загадочность подлинника. Как заметил сам В.Чередниченко, «на сегодняшний день нет ни одного перевода, конгениального оригиналу». Непереводимость является

отличительной особенностью великого произведения, а отличительной особенностью великого перевода становится не столько его соответствие каноническому тексту оригинала, сколько его значимость для культуры того языка, на котором он сделан. «Никогда!» нам не объяснить волшебства «Ворона», несмотря на то, что сам поэт и поверил безжалостной алгеброй гармонию своего стихотворения в эссе «Философия сочинения».

Вообще «Ворон» со времени своего опубликования в газете «Ивнинг миррор» 29 января 1845 года - это пример подлинно грандиозного поэтического произведения, чье величие определяется и исключительными достоинствами в плане поэтики, и глубиной философского размышления, и невероятным эмоциональным воздействием. При этом история, заключенная в стихотворении, на удивление незамысловатая (одиноким влюбленным, не в силах унять свою скорбь об умершей возлюбленной, начинает разговор со случайным собеседником - влетевшим в комнату вороном), не может быть причиной того магического впечатления, которое оно производит на читателя. Загадка цепляется за загадку, а история на поверку оказывается целой чередой явных и глубинных смыслов, которые разгадывать и разгадывать - чувство и предчувствие, сознание и неосознанное, явное и таинственное... Как в «Гамлете», простой сюжет - это лишь обманчиво незатейливая шторка перед глазами читателя-зрителя. Но отодвинь ее, и на тебя взглянет бездна мироздания. «Ворон» - мир как вопрос», - формулирует В.Чередниченко как бы вслед за Владимиром Высоцким, навсегда определившим в стихотворении «Мой Гамлет» принцип поэтического мировосприятия: «Но гениальный всплеск похож на бред. В рожденьи смерть проглядывает косо. А мы все ставим каверзный ответ. И не находим нужного вопроса».

Великий «Ворон», как и великий «Гамлет» (два самых загадочных произведения мировой литературы) - это блеск страдания, это изыск отчаяния, это гипнотическая магия смерти-любви, любви-смерти на самом тернистом и скорбном пути - пути познания. И если прав Аристотель, выделивший страдание как десятую категорию философии, то «Ворон» - именно из этой категории.

Сборник «Ворон» представляет для грузинского читателя особый интерес и дает повод для известной гордости. Составитель книги Владимир Чередниченко в 1975 году с отличием закончил Тбилисский государственный университет. Именно на кафедре английской филологии ТГУ первокурсник Чередниченко выступил с докладом о сравнительном анализе нескольких русских переводов «Ворона» - это было начало пути, по которому его вели учителя, чьи имена он и по сегодняшний день вспоминает с благодарностью: Соломон Хуцишвили, Александр Алексидзе, Вано Шадури, Ваханг Натадзе, Георгий Гиголов, Константин Герасимов, Лина Хихадзе, Тенгиз Буачидзе... Потом последовали 12 лет работы в Институте грузинской литературы имени Шота Руставели Академии наук Грузии. В середине 90-х Владимиру Чередниченко пришлось покинуть Тбилиси. Ныне он профессор Кубанского государственного университета, но по сегодняшней день связан с родным городом неразрывными узами воспоминаний, дружбы, профессиональных интересов.

Из числа авторов 25 переводов, вошедших в сборник «Ворон», двум поэтам принадлежат по два перевода. Это - ну что ж, не побоимся сопоставления - Валерий Брюсов и Владимир Саришвили.

Владимир Саришвили - поэт, переводчик, журна-

лист, кандидат филологических наук - также выпускник Тбилисского государственного университета. В 1984 году с Владимиром Чередниченко студента Саришвили связала рекомендация Константина Сергеевича Герасимова, к которому поколения студентов относились не просто с уважением, но с восхищенным почтением. А причиной и поводом для знакомства и дальнейшей дружбы стал именно «Ворон». Вот как вспоминает об этом сам В.Чередниченко: «Юноша-студент развернул свиток с текстом «Ворона», написанным неровным неровным почерком. Стихи были удивительные - яркие, экспрессивные, исполненные искреннего и глубокого отчаяния... О первом переводе Саришвили известный филолог профессор Б.Ф.Егоров высказался так: «Мне его перевод показался ярче, глубже, сильнее и Балмонта, и Брюсова»... Так завязалась наша дружба (которой уже четверть века), а ведь нас сблизил великий Эдгар! Так что ушедшие продолжают влиять на жизнь живущих. А 24 июня 1984 года гостеприимный дом Саришвили встречал гостей - 175-летний юбилей Эдгара По справлялся неофициально, опасаясь неприятностей. Паролем для присутствовавших на вечеру мог стать рефрен «Ворона» - наше поколение было помешано на стихах, от которых мы буквально пьянели».

Владимир Саришвили - поэт, чье творчество на фоне современной поэзии является скорее исключением, нежели правилом. Он вне мейнстрима, потому что не стесняется быть совершенно классическим и безупречно немодным. Он идет своей дорогой - поверх барьеров, смотрит вдаль - поверх голов, поверх квазилитературного хаоса однодневок, которые оглушительно грохочут, как пустые бочки, и, сами того не осознавая, стремительно катятся во тьму Леты. Саришвили негромок, но пронзителен. Он никогда не бывает истеричным, но тихое слово отчаянья, произнесенное им, заглушает любые истерики. «Извините за пафос», - любят сегодня повторять мейнстримщики. Саришвили за пафос не извиняется и не боится его. (Стоит ли бояться произнести слова молитвы, если собираешься обратиться к Господу?) Но его пафос не мажорный и не величественный, а мужественный и горький. Саришвили не присуще многословие - он пишет ровно столько слов, сколько необходимо для того, чтобы быть услышанным и понятым. Создаваемые им образы всегда яркие, незаимствованные и никогда не бывают надуманными.

В.Саришвили - и поэт несопокойный, и человек впечатлительный, а это хорошо поэту и невесело человеку. Но есть у него и спасительная особенность - ирония. «Трагико-ироническая метафизика» - такое название хотелось бы предложить автору будущей книги о поэте.

Кстати, как и для Эдгара По, для Саришвили характерны выверенная внешняя и внутренняя архитекtonика произведения и абсолютная стройность композиции, части которой находятся между собой в совершенной гармонии. Каждое стихотворение становится как бы Вселенной в миниатюре. Может быть, в случае с Саришвили - это во многом школа К.С.Герасимова, школа сонета.

Быть автором, опубликованным в легендарной серии «Литературные памятники», - это пропуск в историю литературы, огромная честь и огромная ответственность. Владимир Саришвили получил этот пропуск. Это исключительно обязывает. Поэтому можно сказать, что в жизни поэта открывается чистая страница. Дай бог, чтобы она была заполнена прекрасными стихотворениями и добрыми делами!

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ЮРИЙ ВАЧНАДЗЕ

Юрий Вачнадзе – физик, кандидат наук. Окончил Тбилисский государственный университет. В течение тридцати лет читал курс общей физики студентам Грузинского политехнического института. С 1994 года – корреспондент радио «Свобода» в Тбилиси. Был автором и ведущим музыкальной программы «Не только шоу-бизнес» на Первом канале Грузинского телевидения. Автор еженедельной музыкальной передачи, колонок «Право автора» и блогов на русском и грузинском радио «Свобода». Стихотворения Ю. Вачнадзе публиковались в журнале «Литературная Грузия», альманахе «Дом под чинарами».

Годы сыпятся, как бисер
С рваной нитки ожерелья,
Но со мною мой Тбилиси
В дни печали, в дни веселья.

Нам обоим было больно,
В нас стреляли не однажды –
Только дух остался вольным,
Да и музыка все та же...

Как тепло и уютно в духане...
Посидим, никуда не спеша.
С поздней ночи до утренней рани
Здесь баранья витает душа.
Тихо плачет о чем-то дудуки,
Навевая тяжелые сны,
Целый мир под печальные звуки
В ожиданьи рассвета застыл.
С каждым годом все краше и краше
Хвалит всех милый лжец – тамада,
Осушая огромные чаши,
Словно в них не вино, а вода.
В тусклом свете блестят связки лука,
И насмешливы взгляды у тыкв...
Нипочем мне с тобою разлука –
Я забыл, я забылся, привык.
Жить без радости и без печали,
Словно мерин под звон бубенца.
То, что было когда-то в начале,
Оказалось началом конца.
И теперь в откровенной беседе,
Где хмельные резвятся пары,
Целовать незнакомых соседей
Мне приятно с недавней поры.
День за днем, понемногу, помалу,
Обретая неожиданный покой,
Измеряю бездонность бокала
Ослабевшей, дрожащей рукой –
Словно в терпком напитке заложен
Сокровенного таинства смысл:
Для чего мы живем? Или, может,
Просто так под луной собрались?

Роберту Стуруа

Мы актеры, мы актрисы,
Мы разыгрываем пьесы
То со смыслом, то без смысла –
Плачем, скачем, куролесим,

Подбираем себе роли,
По душе и по карману,
То беснуемся на воле,
То залечиваем раны.

Игнорируем ремарки,
Предначертанные свыше,
Мы – поэты, мы – Петрарки,
О себе поэмы пишем...

Издеваемся над властью,
И пред нею не трепещем,
В дни тревог и в дни ненастья
Срочно собираем вещи.

И толпимся у причала,
И торопимся в дорогу –
Начинаем жизнь сначала
Каждый день... И слава богу!

Из переводов

ВАЖА ПШАВЕЛА
ОРЕЛ

Вижу, раненый орел
С воронами бой повел...
Ввысь взлететь его усилъя
Тщетны – уж не держат крылья,
Разворочено плечо,
Кровь из раны бьет ключом.
«Эй, воронье злое племя!
Знать, настало ваше время:
Коль взлетел бы я хоть раз,
Разорвал бы в клочья вас!»

МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ
МОНОЛОГ БЫВШЕГО ПОЭТА

Неведомым желанием томим,
Продаю перо я – стал мастеровым.
Сложил в котел грузинских букв набор
И чудо-клей из них варю с тех пор.
Могу я склеить многое, друзья,
И даже то, что воскресить нельзя:
Фаянс я склеиваю и хрусталь,
Кувшины и тарелки, даже сталь.
Нет дела в мире лучше и милей.
И сам я словно превратился в клей –
Я склеиваю давние мечты
И верность, позабытую почти,
Обрывки писем, трещины сердец,
Обычаи, что завещал отец,
Любовь и дружбу, молодость и честь,
И многое еще, чего не счесть –
Что в тяжкий час тревоги и тоски
Вы в ярости разбили на куски.
Как мудрый Гамлет, я событий нить
И связь времен хочу восстановить.

ГОСТИНИЦА ДЛЯ ДУШ

Я знаю, что ничего не знаю! В этой фразе мыслителя заключена движущая сила прогресса. Через сорок с лишним веков керамики на грузинской земле современные художники говорят о нераскрытых тайнах местных глин.

О тайнах и о настоящем искусстве на первой выставке в галерее «Телескоп».

Нет, не случайно дана Богом в руки мастера глина! Она впитывает в себя и сохраняет на века эмоцию момента. Она отпечаток истории. Исчезли цивилизации и народы, в прах ушли города. На дне озера Палеостоми под толщей воды археологи обнаружили следы большого древнего поселения с осколками керамической посуды. Глиняные чаши с причудливо изогнутыми ручками и искусные пиалы сохранились в Тлийском могильнике с эпохи ранней бронзы XXIII-XX вв. до нашей эры. Но и они достаточно юнны по сравнению с глиняными сосудами из пещер позднего плейстоцена.

На поле цвета раскаленной красной глины маленькая керамическая пластина с древними иероглифами – письмо из прошлого. Это эмблема новой выставки. Надо уметь читать послания. В первом веке нашей эры была утеряна древнеримская технология «Терра сигилата», распространенная когда-то по всей территории Римской империи. Суть ее в том, что из глины выделялась только одна тонкая фракция и из нее получалась пластическая масса, дающая после обжига тот прекрасный цвет, фактуру, прочность. Что это за фракция и можно ли ее выделить из грузинских глин? – этот вопрос спустя двадцать веков заинтересовал художника Гио Яшвили. Результат превзошел ожидания. Вот он прекрасный спектр богатых глубоких оттенков осеннего клена.

– Я немного поиграл с материалом – говорит автор, показывая столь привычные для глаза винные пиалы, со дна которых как с керамических камней смотрят римские богини.

Они уже сегодня могут пойти в серийное производство. А вновь обретенная сигилата удивительно зазвучала в других произведениях искусства – в фигурах ночных всадников, монаха-отшельника, буйвола с орлом на спине. Они восходят к древним культам, опускают зрителя в глубины подсознания.

А над ними уже совсем другая тема художника – на плоских фарфоровых и фаянсовых пластинах с глубокой фактурой проступают тексты молитв и божественные лики. Полное впечатление нерукотворности.

Как же все это делается? Даже окончив силикатный факультет, понять невозможно.

Художники о технологиях говорить не любят, они не ремесленники. Лишь Лия Багратиони вежливо не уходит от ответа: «Главное, не очень мучить материал». Ее фарфоровые, фаянсовые, красно-глиняные, каленно-массовые мумии, сфинксы,

«ножи Улисса» возникли спонтанно. Заготовку, слегка придав форму, в сердцах бросили на доску. Еще несколько профессиональных движений и в печь, пока эмоция на пике.

Совсем иначе работает с материалом Отар Вепхвадзе. Он не спешит бросать на стол изогнутые в пластическом танце женские фигуры. Его Венеры вынянчены, выглазурованы опытными руками мастера. Изыскан каждый штрих. И гипюрово-шифоное впечатление глазури, и металлический завиток веера. Красавиц охраняют сфинксы – керамический и нарисованный, и ангелы, прислонившиеся к вазе.

С тем же удовольствием, как другие лепят женские фигуры, Георгий Пачкория создает сосуды для вина. И хмельной этой фантазии нет предела. То ли звери какие, то ли птицы – тонкошеи, двуногие, крылатые – оживающие слуги Бахуса.

Художникам известно, что изделия, прошедшие огонь, способны забирать заботы, гасить негативную энергию. Видимо, потому на выставке много древних стражей, расписанных как цветочные поляны одинаковых женских торсов, уплывающих ковчегов и миниатюрных Тадж-Махалов. И почти все изделия из шамота. Этот удивительный вид крупнозернистых глин после обжига приобретает глубокую пористость и прочность. Его таинственная затягивающая глубина как ничто другое подходит для культовых статуэток.

Прекрасным фоном для выставки служат выходящие из стен и зеркал потрясающей красоты ню Олега Тимченко. Новое увлечение известного тбилисского живописца. Он пишет своих красавиц на зеркалах и керамических плитках, зрительно раскрывая небольшое пространство галереи. Контраст холодного зеркала и глазури с тоном жарких страстей придает ему особую вибрацию.

На центральной стеклянной витрине возвышаются над всем представленным сундучки-храмы Малхаза Швелидзе. Они в диссонансе с радостной красотой выставки и сначала отталкивают от себя взгляд. Но именно они смысловое завершение экспозиции.

Вся фактура глин, все оттенки и пластические возможности продемонстрированы в витиеватых куполах, конструкциях потайных ящичков, башенок и сводов. Секретные дверцы приоткрывают тайные ходы, которые, возможно, ведут в другое измерение.

Что это? Для самого художника это то знание, отголосок прошлых жизней, которым он владел в детстве. В старом деревенском доме у кладбища еще ребенком лепил из глины маленькие замки для мертвых жуков и бабочек. Потом, конечно, забыл об этой забаве на десятилетия. Вот теперь вспомнил. На выставке в Израиле ортодоксальные евреи объяснили их суть: «Это гостиница для душ, пока они ждут нового переселения»

Вот как все просто!

Ирина МАСТИЦКАЯ

Я ВЫСТУПАЮ
ОТ ИМЕНИ
ГРУЗИИ

С Андреем Лобановым, тбилисским модельером, обладателем приза «Золотые ножницы», неоднократным победителем Московского международного конкурса высокой моды национального костюма, нам удалось побеседовать. Он показывал свои работы: наряды из органзы и кожи, шелка, бархата, шифона, парчи, губки, скрепок, корсеты из чеканки. Удивительные сочетания, праздник изысканного вкуса... Весной прошлого года он побывал на юбилейном (десятым по счету) конкурсе, проходившем на старом Арбате. Скоро в свет выйдет иллюстрированный альбом, посвященный призерам разных лет.

- Андрей, у вас имя в модельном мире. Вот и новая награда, полученная на конкурсе в том году – «За профессионализм» - лишнее тому подтверждение.

- В общем-то да. Но пока не пользуюсь привилегиями этого положения. Насколько мне известно, победителей и призеров в дальнейшем финансирует государство. Это естественно, ведь ты представляешь страну. Я всегда выступаю от имени Грузии, это большая честь. В то же время приходится отказываться от многих приглашений и предложений, так как нет возможности оплатить дорогу.

- Быть замеченным значит проявить оригинальность. Расскажите, как вы впервые заявили о себе.

- У меня были готовы две коллекции - платья, юбки, блузки из канцелярских скрепок и пивных банок. Модели из скрепок без единого шва, плетутся по кругу, могут иметь квадратные, ромбовидные узоры. Все это надевается поверх белья и только я в закулисной суматохе могу помочь с этим справиться. «Пивная» одежда чем-то напоминает легкие кольчуги (используется не лицевая сторона банок, а обратная - стального цвета). Одна из артисток цирка выпросила у меня такой наряд для парада-алле... Сначала свои коллекции я представил на конкурсе, устроенном в Тбилиси ита-

льянским журналом «Бутик», затем последовал показ на Неделе авангардной моды, знаковым для меня мероприятием. Шоу проводилось в «Экспо-Джорджия» (1999) на очень высоком уровне, все дефиле начинались ночью. Приехали Ямамото и другие звездные гости. Я узнал о Неделе поздно и сдал документы в последний момент, но отборочная комиссия, взглянув на портфолио, допустила меня к участию. Выделили несколько манекенщиц для предстоящего показа. На

Неделе авангардной моды познакомился с моделью Натальей Симоновой, владелицей агентства при Большом концертном зале на Верэ. Наташа предложила стать компаньоном ее фирмы, это стало взаимовыгодным сотрудничеством. Нас много приглашали на различные презентации, показы, концерты, светские вечеринки. Почти ни один концерт, шедший в Большом зале на Верэ, не обходился без нашего участия. Сейчас Наташа живет в Риме, ведет рубрику о моде в одном из интернет-изданий.

- Вы уже достигли того уровня, когда исполнительную часть работы можно поручать портнихам. Но все же интересно, где и у кого учились шить?

- Имеет, наверное, смысл признаться, что моя первая специальность – эколог – весьма далека от мира моды. После окончания института никогда не работал в этой области, гены помешали. Папа – чеканщик-любитель, создает удивительные аксессуары для моих коллекций – браслеты, пояса, корсеты и другое. Дядя – член Союза художников России, двоюродный брат – театральным художником. Портняжному делу я учился на курсах кройки и шитья при представительстве «Бурда моден». Через эту фирму я заказал в Германии манекен, швейную машинку покупал в Киеве. Естественно, когда предстоит показ, надо подключить к работе нескольких портних. Дело это, скажу вам прямо, непростое, хлопотное. Приходится и поспорить, и над головой постоять. Постоянно и вполне успешно сотрудничаю с главным технологом швейной фабрики «Иверия».

- Андрей, какой у вас стиль работы? Делаете эскизы или, может быть, сразу драпируете кусок ткани на манекене?

- Некоторые известные кутюрье вообще не умеют рисовать, это необязательно. Можно работать непосредственно с материалом, закалывать его сообразно задумке. Лично я сначала проверяю идеи на манекене, хотя рисую неплохо.

- Случалось ли что-либо продавать из рекламных

- На свадьбу потом приглашают?

- Иногда. Я надеюсь, мои платья счастливые и приносят их владелицам счастье в браке. Невесты – самые капризные клиентки. Самой взыскательной была моя сестра Лада. Если невеста не боится экспериментов, можно дать волю фантазии. Так, например, родилось замечательное платье из тюля: грудь и плечи нежно прикрывали лепестки искусственных цветов, расшитые бисером.

- Расскажите о своей московской жизни, фестивалях моды в других городах.

- В Москве весна – сезон фестивалей, показов. Стараюсь попасть сразу на несколько. Обычно езжу без ассистентов, приходится все делать самому, нет возможности вывозить собственных моделей (я сейчас сотрудничаю с одним грузинским агентством), как это бывает во время туров в Армению. Манекенщицы предоставляют организаторы конкурса. В Москве погружаюсь в фестивальный суету. Несколько лет назад друг, украинский дизайнер, отправил фотографии моих работ организаторам конкурса. В 2005 году я повез грузинскую коллекцию «Золотое руно» и занял первое место. Видимо, секрет успеха в том, что при создании национального костюма я отталкивался не от общепринятого наряда, а от ремесел культуры виноделия. Взять, к примеру, платье, где шею манекенщицы «обнимает» канци. Потом была коллекция «Ароматы Востока» – смешение стилей разных стран (тюрбан в сочетании с кимоно, большие банты, широкие пояса). Для нее я использовал шелк, бархат, шифон, парчу. В 2007 году выступил с «а ля русс» – нарядами, стилизованными под русский национальный костюм. Традиционное кружево очень удачно смотрелось на джинсовых кеги. Тоже – первое место... «Золотые ножницы» (значок с бриллиантом, прикрепляемый на лацкан) я получил в 2008 – за коллекцию «Царица Нила». В нее вошли костюмы из растительной губки, которую по моей особой технологии превратили в интересный материал (я вообще люблю работать с необычным сырьем). Папирус,

привезенный друзьями из Египта, использовал в качестве аппликации на костюмы. Руки и головы моделей я обмотал шелковой белой тесьмой, чтобы создавалась ассоциация с мумией... В этот раз повез по просьбе организаторов уже знакомые работы – «а ля русс» и «Золотое руно». Осенью обычно езжу в Киев, Ереван – у меня там много друзей.

- Показ – мероприятие многостороннее. Фактически вы готовите мини-спектакль.

- Я «сдаю» коллекцию в соответствующей гламурной упаковке: интересным наименованием, музыкой. Подбирать фонограмму мне помогает друг-аранжировщик. Когда нашли мотив для египетской коллекции, добавили к нему звук, похожий на сыплющийся песок. К русской коллекции подошли «Валенки» в современной интерпретации.

- Все дефиле завершаются появлением на подиуме самого дизайнера. Лестно, должно быть?

- Не все – на концертах, церемониях модельер остается в тени, но когда наш выход, что и говорить, приятно.

Медя АМИРХАНОВА

Из коллекций А.Лобанова

коллекций, созданных для подиума?

- Конечно, есть заинтересованные лица, но мне жаль продавать отдельные экземпляры из коллекции (приобрести всю пока не предлагали), ведь нарушается целостность ансамбля. Пока что все наряды хранятся дома в двух шкафах и дожидаются очередных гастролей. Перед показом я самолично их глажу... Разумеется, выполняю и частные заказы, в том числе вечерние, свадебные платья.

- Не все – на концертах, церемониях модельер остается в тени, но когда наш выход, что и говорить, приятно.

ПРОДИКТОВАНО ЛЮБОВЬЮ

Его творения так вписались в тбилисский пейзаж, что уже воспринимаются неотъемлемой его частью – будь то мальчик, сидящий на занавесе, у входа в «Мзиури», или композиция «Молодость» на мосту Бараташвили, или памятник Михаилу Туманишвили у Театра киноактера, или львы на мосту Галактиона, или молодая мать с детьми с ее летящей походкой («Прогулка», проспект И. Чавчавадзе)... Это далеко не полный перечень работ скульптора Гии Джапаридзе, которые можно увидеть в Тбилиси, да и не только в Тбилиси. Его работы украшают города Азербайджана, России, Италии, Голландии, США.

Гиа Джапаридзе закончил Тбилисскую Академию искусств и по праву гордится своими учителями. Среди них замечательные деятели нашей культуры – Шота Микатадзе, Николай Канделаки, Гоги Очаури. Рисунку его обучали такие мастера как Василий Шухаев, Сергей Кобуладзе, Дуда Габашвили. Но наверное главным, кто предопределил его путь в искусстве, был Закро Крацашвили, первый учитель. Незаурядная личность, он преподавал ему во Дворце пионеров, где учил рисованию и творческому мышлению.

Удивителен диапазон творчества Гии Джапаридзе и с точки зрения выражения нормы, и с точки зрения тематики – от миниатюрных, казалось бы, воздушных фигурок до монументальных, требующих открытого пространства, скульптур.

В каком бы жанре ни работал Гиа Джапаридзе, его отличает глубинное ощущение нормы, стремление к ее совершенствованию, легкость и пластичность (в том числе и в монументальной скульптуре).

Не так давно наш город украсила еще одна работа скульптора. Это памятник Саят-Нова, тбилисскому ашугу, писавшему на трех языках - армянском, грузинском и азербайджанском. Надо отметить, что памятник создавался в творческом содружестве с архитектором и художником Кахой Коридзе.

Саят-Нова был классическим ашугом. Сам сочинял стихи и мелодии к ним, исполнял их под собственный аккомпанемент:

Не говорите, кто есть сазандари,
грамоту я знаю, словом я владею.
Саят-Нова зовут меня, а имя - Арутин,
стоит кинуть клич - и небо мне ответит.

Исследователи в один голос отмечают тбилисские реалии в творчестве Саят-Нова, «тбилисский пульс», который бьется в нем, «пульс иного, особого наполнения, интонации, звучания. Это уже НАШ Восток – грузинский, тбилисский» (Иосиф Гришашвили).

Надо сказать, что и место для памятника выбрано

Гиа Джапаридзе

Памятник Саят-Нова

Фонтан на Шардена

не случайно – старый тбилисский Майдан, где исторически сосуществовали в мире быт, нравы и обычаи трех народов-соседей.

«Моя родина - Тбилиси, край грузинский,/ мама - авлабарка, папа – из Алеппо», – пел Саят-Нова.

Памятник, воздвигнутый в его честь, весьма символичен – украшенное плодами гранатовое дерево. Цветку граната, плодам его воздавали должное многие поэты и художники Южного Кавказа. Материал памятника – бронза, камень, медь, эмаль. В ясную погоду эмалевые плоды искрятся на солнце и отбрасывают блики на темную поверхность камня, на котором вытесаны строки стихов Саят-Нова.

Гиа Джапаридзе прекрасно владеет материалом. Камень или мрамор, медь или другой металл становятся податливыми в его руках, как пластилин. Поэтому он не ограничивается рамками одного какого-либо стиля или жанра.

Мне довелось побывать на персональной выставке Гии и его дочери Тики Джапаридзе минувшим летом в Ватном ряду.

Было ощущение, что я попала на праздник царственной красоты - декоративные скульптурные изображения животных, деревьев, птиц, рыб, представленные на суд зрителей, восхищали своей сказочной величавостью. А пейзажи на библейскую тему, навеянные грузинскими миниатюрами, волновали своей космичностью и таинственностью.

Отец и дочь Джапаридзе используют в работах эмали как живописную палитру. Она придает их работам исключительную изысканность. Они эксклюзивны. Их не повторить. Как впрочем всякое настоящее искусство.

Лиана ТАТИШВИЛИ

Тика Джапаридзе. «Птица»

«Молодость». Мост Бараташвили

«Нинчо». Сигнахи

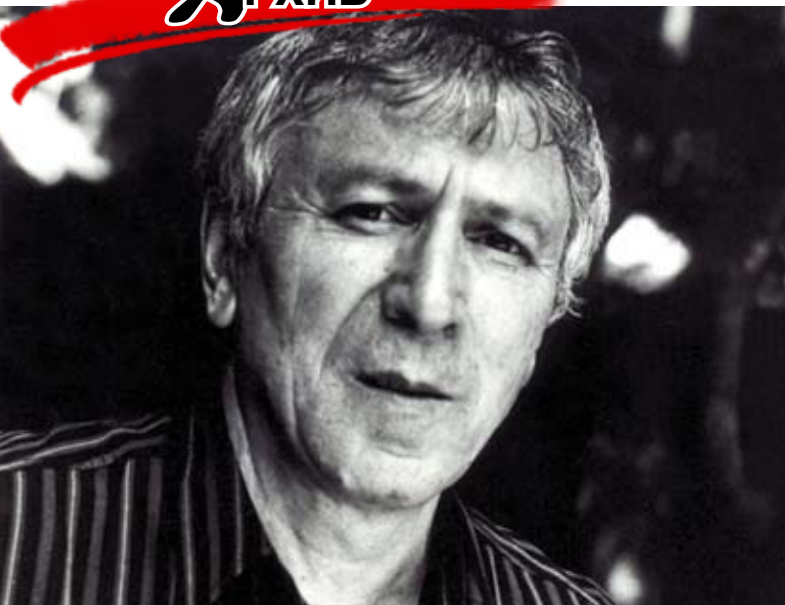
«Женщина с зонтиком». Сигнахи

Фонтан. Сигнахи

«Доктор на ослике»

«ГОДОРИ» ВЫШЕЛ ИЗ АНТИЧНОЙ ТРАГЕДИИ

Это письмо главного редактора журнала «Дружба народов» Александра Эбаноидзе, редакция «РК» получила, к сожалению, уже после кончины Отара Чиладзе, уход которого из жизни невосполнимая потеря для литературы.

Заслуживает интереса впечатление, которое это письмо в свое время произвело на адресата:

«Твое письмо привело меня в такой же восторг, как и тебя - чтение моего романа».

Дорогой Отар!

Дней пять назад дочитал твой «Годори». Хочу поздравить тебя с большим и блестящим успехом! Признаться, даже не припомню, когда в зрелые годы я испытал такую боль и вместе с тем такое восхищение литературным произведением. Разве что в конце шестидесятых, когда появился русский перевод Фолкнеровского «Шума и ярости».

Чувство, пережитое мной, было довольно необычным: вот уже больше десяти лет, как на Грузию обрушились новые беды, и выяснилось то, что ты знаешь лучше меня, и что так зримо описано в твоём романе. Прежде – «в старом доме», было кое-что (или много чего), возможно, надуманного или мнимого, чем мы гордились, пожалуй, даже заносились. Но вдруг разгневанный Господь сорвал с нас пестрое покрывало или содрал одеяло и – о, стыд! Что с нами случилось? Мы набросились друг на друга, порядочных людей разорили и унизили, бесчестным дали волю и вознесли, могилы осквернили, войну проиграли, Абхазию потеряли, с осетинами не замирились, чеченцев на себя

натравили, русским не посмели сказать в лицо правду, промышленность развалили, народ ввергли в нищету и голод, молодежь растлили и раскидали – кого в Турцию, кого – в Европы; уже ни кино нам не удастся, ни театр, ни футбол, и даже женские шахматы больше не наш конек (мужчинам и прежде не хватало на них ума). Другими словами – кругом обмишурились, растерялись, сплеховали. Как говорил твой Лодовико из Болоньи – исчезла страна, не осталось ничего, кроме пустой под колючей стерней... Как вытерпеть такую боль и такой стыд?

И вот за что я безмерно тебе признателен – твоя книга словно смыла с меня грязь и срам, возродила надежду и даже вернула чувство гордости. В самом деле – ведь не может быть, чтобы эта великолепная античная трагедия, этот могучий плод таланта, страсти и интеллекта вырос из пустоты или из кучи мусора! Стало быть в глубинах нации уцелело то, что продиктовало тебе эту книгу, обусловило ее силу и совершенство. Ты знаешь, что я почитатель твоего первого романа; думаю, что по эмоциональному напряжению, емкости и завершенности «Годори» не уступает ему, только в новой вещи разворачиваются события не трехтысячелетней давности, а нынешние, те, которым мы свидетели. Совершенству первого романа способствовало то, что он был «налит» в античную амфору. Если спросить меня, «Годори» тоже вырос из античной трагедии. Наверное, это вполне естественно – мы изначально свои в средиземноморской цивилизации, и Аристотель, Эсхил и Софокл близки – если не нам, то во всяком случае тебе, дорогой Отар. Если б я не опасался хватить через край, сказал бы возможно: пережитые испытания свалились на нас для того, чтобы родилась такая книга. И вот еще что: твой роман показал, какой энергией обладает литература без всяких новомодных штучек-дрючек – ни постмодернизма, ни минимализма, ни порнухи, ни чернухи, никаких измов и толкиенов – только значительный повод для высказывания и емкость слова.

После такого панегирика не совсем уместно снижать тему. Думаю, излишне говорить о том, что я заинтересован увидеть перевод «Годори» на страницах моего журнала. Кроме того, что «ДН» вызывает интерес у читателя и российской прессы, журнал остается кратчайшим путем в Европу. Согласись, что и это стоит учесть, поскольку «Мнатоби» при выходе из типографии становится раритетом: надо полагать, что количество рукописных экземпляров «Витязя в тигровой шкуре» в свое время значительно превышало нынешний тираж «Годори»...

Но отложим обсуждение деловых вопросов. Сегодня я хочу еще раз поздравить тебя с большой и подлинной удачей и поблагодарить с любовью и глубоким уважением.

Мои наилучшие пожелания и сердечный привет Тамазу!

Если выкроишь время и поделишься своими соображениями о переводе романа, буду признателен.

Будь здоров!

Твой Александр (Саша) Эбаноидзе

P.S. Неужели у тебя с самого начала было задумано – от Медеи шаг за шагом к сегодняшнему дню, к Лизико? Или самопроизвольно так выстроилось?

12.12.2002

(Перевод с грузинского)

Из Москвы

Я с удовольствием приветствую и поздравляю «Русский клуб» со славным юбилеем – выходом 50-го номера журнала. Очень важно, что сегодня в Тбилиси с завидной пунктуальностью выходит издание, ставящее целью сохранить и передать потомству все лучшее, что связывало в течение столетий наши народы, что способствовало взаимообогащению наших культур.

В смутное время обоюдной глухоты, непонимания и ошибок, необходимо сберечь каркас, на котором со временем возродится наша взаимная дружба, с восхитительной искренностью воспетая лучшими поэтами России и Грузии – от Пушкина и Бараташвили, Маяковского и Табидзе до Ахмадулиной, Евтушенко и Нишнианидзе.

Александр ЭБАНОИДЗЕ,
главный редактор журнала
«ДРУЖБА НАРОДОВ»

Передо мной юбилейный номер журнала «Русский клуб» № 11 за ноябрь 2009 года. О журнале я только слышала много хорошего, а получив его от Алены Деняги в дар с прекрасным «шлейфом памяти» (рубрика) о моем муже поэте и переводчике Илье Дадашидзе и его посмертно изданной книги «Всего лишь гость...», была потрясена вкусом и профессиональным мастерством создателей этого журнала. Листала и перечитывала все рубрики и в каждой находила нужность напечатанного.

Выпустив упомянутую книгу с помощью радио «Свобода» и русского ПЕН-центра под редакцией Анаиды Беставашивили и получив много восторженных отзывов об издании на презентации, я где-то в глубине души ждала отклика на нее. И вот через шесть лет он пришел из «дома», где Илья с болью считал себя всего лишь гостем, из родного ему Тбилиси.

Спасибо Вам, Алена, за теплоту и проникновенность, которой дышит Ваша статья. Спасибо создателям и спонсору этого журнала, так нужного людям, понимающим неразрывность двух наших народов и культур.

С глубочайшим уважением,
Ирина Смелова-Дадашидзе

Из Санкт-Петербурга

От Вас я впервые узнала об Абастумани, его храме, истории его создания, дивных фресках Нестерова. Собственно, и о цесаревиче Георгии Александровиче я знала понаслышке, а поэтому было очень интересно, особенно принимая во внимание ту любовь, с которой это написано. Радостно, что есть люди, с гордостью и бережно относящиеся к культурному наследию. Вам удастся «заразить» этим окружающих. Во всяком случае, для меня теперь слово Абастумани - не пустой звук, оно наполнено Вашим неравнодушным к нему отношением.

Фрески изумительные, до этого я была знакома с работами Нестерова только в музейных залах и, честно говоря, он не был самым почитаемым мной живописцем. Но в интерьерах храма! «Знамение» словно светится изнутри! И решение «золото на слоновой кости» такое изящное, теплое, светящееся.

Спасибо, спасибо, спасибо! И домик, в котором останавливался Нестеров, очень симпатичный, и вид из-под арки сказочный.

Элеонора Польская

Из Сочи

Несколько лет мы имеем возможность читать журнал «Русский клуб». Для нас, работающих вдали от дома, журнал является территорией родины.

Интеллигентность, обилие интересной и новой информации, прекрасный стиль, доброжелательный и оптимистичный настрой, мастерские фотографии доставляют нам истинное удовольствие. Журнал, в хорошем смысле, над временем. Ни один его номер не устаревает. Вся же многолетняя подборка представляет собой новейшую энциклопедию грузинской культуры. Органично в ткань культуры вплетена близкая и дорогая нам тема грузинского спорта. Должны заметить, что наши российские коллеги с немалым интересом читают и ждут каждый номер.

С пожеланием дальнейших успехов,

Ираклий Квезерели-Копадзе,
Николай Дадани, Серго Абуашвили

Из Тбилиси

С большим интересом знаколюсь с журналом «Русский клуб», чья направленность очевидна – сближение грузинской и русской культур. На страницах его, наряду с этим, большое внимание уделяется выдающимся деятелям грузинского народа.

В этих условиях работу такого издания можно только приветствовать.

Журнал много места отводит замечательным деятелям грузинского театра, спортсменам, ученым, работникам искусства. Очень интересны материалы о замечательном очаге культуры – Доме Смирновых в Тбилиси.

Хочу отметить точный выбор героев очерков, актуальность помещаемых статей, прекрасный фотоматериал и высокий уровень оформления. Очевиден вклад всего коллектива в подготовку каждого номера журнала.

Желаю от души больших успехов этому замечательному и очень своевременному изданию.

Леван Чачуа

Из США

Читаю очередной номер журнала «Русский клуб» и вспоминаю детские годы, когда старшая сестра водила меня на спектакли любимого Грибоедовского театра. Ваш журнал напомнил моих любимых артистов.

А разве только это? Благодаря ему я не забываю свой дом, свой город, свою страну.

50 номеров «Русского клуба» лежат на полке моего книжного шкафа, я их перечитываю с друзьями, перевожу ваши замечательные статьи. Спасибо за все хорошее и доброе, что сеете в наших сердцах.

Желаю Вам дальнейших успехов в творчестве.

Татьяна Кесоян

Из Греции

По семейным обстоятельствам я была вынуждена уехать к дочери. Тесную связь с Грузией мне помогает держать журнал «Русский клуб». Я благодарю за необыкновенно широкий диапазон тематики публикаций, которыми вы нас обогащаете и держите в курсе культурной жизни нашей маленькой и всегда любимой родины. В каждом номере мы находим статьи с удивительными судьбами, журнал учит нас ценить прекрасное и удивительное, скрашивая жизнь на чужбине.

Поздравляю весь творческий коллектив и Грибоедовский театр с Новым годом. Желаю и впредь учить людей взаимному доверию, уважению, и, главное, мирному сосуществованию.

Эсма Чотулиди

Расписание регулярных рейсов «ЗИМА-2009» А/п базирования – Звартноц (Ереван) (UDYZ/EVN)

С 25 ОКТЯБРЯ 2009г. ПО 27 МАРТА 2010г.

День	Тип ВС	Отпр.	Приб.	Рейс	Направление	Рейс	Отпр.	Приб.	Примечание
1	A319/A320	19.30	19.10	U8-347	Алеппо	U8-348	20.40	00.10/+1	
7	A319/A320	08.10	10.10	U8-151	Амстердам	U8-152	14.30	21.55	
2	CRJ2/A319	10.00	10.35	U8-937	Астрахань	U8-938	12.50	15.30	
1 5	CRJ2/A319	06.30	07.30	U8-105	Афины	U8-106	12.00	16.30	
1 4	A319/ CRJ2	06.00	07.45	U8-307	Бахрейн	U8-308	09.00	12.55	
5	CRJ2/A319	23.30	23.35	U8-305	Бейрут	U8-306	01.00/+1	05.00	
2	A319/A320	09.20	10.30	U8-115	Берлин	U8-116	12.15	19.05	
6	A319/A320	11.30	11.35	U8-945	Владикавказ	U8-946	13.10	15.20	
2 7	A319/A320	08.30	11.35	U8-303	Дубай	U8-304	13.05	16.20	
5	A319/A320	05.30	08.35	U8-303	Дубай	U8-304	09.55	13.10	
3	CRJ2/A319	08.30	11.35	U8-303	Дубай	U8-304	13.05	16.20	
7	A319/A320	18.20	22.40	U8-995	Екатеринбург	U8-996	00.40/+1	03.10	
4	A319/A320	15.30	16.10	U8-855	Киев	U8-856	17.45	22.15	
1 3 5	A319/A320	11.50	12.30	U8-931	Краснодар	U8-932	14.10	16.50	
5	A319/A320	02.50	04.45	U8-508	Москва (ШРМ)	U8-507	07.00	10.45	25ОКТ-20ДЕК
1 2 3 4 5 6 7	A319/A320	02.50	04.45	U8-508	Москва (ШРМ)	U8-507	07.00	10.45	21ДЕК-31ДЕК
5	A319/A320	02.50	04.45	U8-508	Москва (ШРМ)	U8-507	07.00	10.45	08ЯНВ-27МАР
1 2 3 4 5 6 7	A319/A320	14.30	16.20	U8-512	Москва (ВКО)	U8-511	17.30	21.10	
1 2 3 4 5 6 7	A319/A320	09.45	11.30	U8-510	Москва (ДМЕ)	U8-509	13.00	16.35	
1 2 3 4 5 6 7	A319/A320	18.15	20.00	U8-516	Москва (ДМЕ)	U8-515	21.35	01.15/+1	
1 2 3 4 5 6 7	A319/A320	22.30	00.15/+1	U8-518	Москва (ДМЕ)	U8-517	01.05	04.40	
6	A319/A320	19.20	21.15	U8-961	Н.Новгород	U8-962	23.15	03.10/+1	
5	A319/A320	18.35	01.05/+1	U8-991	Новосибирск	U8-992	02.50	05.45	
6	A319/A320	22.40	22.55	U8-825	Одесса	U8-826	00.25/+1	04.30	
1 5	A319/A320	08.45	10.50	U8-101	Париж	U8-102	14.00	21.50	
2 3 7	CRJ2/A319	10.00	11.10	U8-121	Рим	U8-122	12.30	19.20	
2 6	A319/A320	17.45	18.30	U8-927	Ростов	U8-928	20.30	23.10	
3	A319/A320	19.20	22.00	U8-971	Самара	U8-972	23.50	02.30/+1	
6	A319/A320	09.00	11.45	U8-887	Санкт-Петербург	U8-888	13.15	17.45	
7 3	CRJ2/A319	19.10	19.05	U8-835	Симферополь	U8-836	20.35	00.25/+1	
7 4	A319/A320	08.40	09.00	U8-967	Сочи	U8-968	11.00	13.15	
3	A319/A320	22.50	23.10	U8-5011	Стамбул	U8-5012	00.10/+1	04.20	
1 2 3 4 5 6 7	A319/A320	06.30	07.15	U8-21	Тбилиси	U8-22	08.00	08.45	
1 2 3 4 5 6 7	A319/A320	17.35	18.20	U8-23	Тбилиси	U8-24	20.45	21.30	
2	A319/A320	05.05	09.05	U8-9063	Уфа	U8-9064	11.00	13.10	Только 03, 17 НОЯ 01, 15, 29 ДЕК.
1	A319/CRJ2	23.00	23.05	U8-865	Харьков	U8-866	00.10/+1	04.05	
1 4 5 6	CRJ2/A319	09.10	10.35	U8-117	Цюрих	U8-118	13.35	20.35	

Условные обозначения:

«Д» – о выполнении рейса сообщим дополнительно

«/+1/» – следующие сутки

Armavia

Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM